

Гай Юлий Орловский

Риц@рдс

Длинные Руки —
король-консорт

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

**Ричард Длинные Руки
– король-консорт**

«ЭКСМО»

2013

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – король-консорт / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2013 — (Ричард Длинные Руки)

Нефилимы, стоккеры и ширнаширы отступили под сокрушительными ударами доблестных крестоносных рыцарей Ричарда и Сигизмунда. Сделан первый шаг для победы в предстоящей схватке с Маркусом. Однако для такой битвы нужны все силы. Как магов, колдунов, священников, так и героев всех близких королевств. А их еще нужно успеть собрать в один кулак.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	50
Глава 11	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – король-консорт

© Орловский Г.Ю., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

Глава 1

Корона весьма неудобный головной убор, даже если сидит хорошо и не сползает. Ни от дождя, ни от солнца не спасет, а чувствуешь себя в ней глупо, как во всяком церемониальном убранстве.

Лорды с укором покачивали головами, когда я сразу после коронации убрал с глаз подальше, как же, так долго ждали, когда стану королем, а я, что за сюзерен, не дал насладиться зрелищем, позадирать носы, ведь служат уже не принцу, а королю!

Обычно у властителей подобного ранга по несколько корон. Одна, к примеру, крепко-накрепко закреплена на шлеме, топором не собьешь, зато все видят, король с ними и в бою, есть короны церемониальные, есть попроще, в виде золотого обруча на лбу, мою же я велел выковать из стальной полосы, где есть все нужные зубчики, но ни одного драгоценного камня.

Сперва все были ошарашены, но потом возгордились еще больше. У всех королей короны как короны, одинаковые, а наш сюзерен и здесь сумел отличиться! Стальная корона рыцаря, у кого была такая? Ни у кого, даже древние, что такие умные, не додумались...

Правда, моя корона все равно именовалась большой золотой королевской, они все из золота, будь это венцы, шапки или обручи, венчающиеся листьями, зубцами или пластинками. Но это неважно, я и свой бунтарский дух потешил, и лордов возвеселил и дал им возможность гордиться еще больше.

Почесывая лоб, где корона надавила так, что оставила красную полосу, я склонился над картой Великой Улагорнии. Масса работы, а заниматься ею некогда, вот и сейчас за тонкой стенкой шатра слышались быстрые приближающиеся шаги, полог взметнулся, как под ударом ветра.

Вошел быстрый и подтянутый Норберт, серьезный и строгий настолько, что я иногда чувствую себя учеником в присутствии сурового учителя.

– Ваше Величество, – произнес он тем не менее почтительно, хотя не более почтительно, чем когда я был принцем или герцогом, – из королевства Гландия в Варт Генц движется большой отряд.

Я посмотрел с недоумением.

– И что?

– Мои люди доложили, – договорил он, – это похоже на посольство, судя по знаменам и баннерам. Еще сообщают, его возглавляет сам король Герхарт Курценбарт. Во всяком случае, головной отряд идет под его королевским знаменем.

Я воззрился на него в великом изумлении.

– Король? Возглавляет?

– Да, Ваше Величество, – ответил он. – Он точно в составе посольства. Наши приблизились достаточно близко, чтобы это понять.

– Насколько, – переспросил я, – можно доверять таким сведениям? Короли, насколько помню, никогда не ездили в посольствах. Во-первых, это умаление их достоинства... во-вторых, да что там, достаточно и первого!

Вслед за Норбертом в шатер вошел Альбрехт, сказал задиристо:

– Так уж и никогда?

– Я знаю только одного, – ответил я сухо, – да и тот был под чужим именем и делал вид, что простой плотник. Какие соображения?

Альбрехт проговорил задумчиво:

– Похоже, короля что-то прижало. Никто по доброй воле вот так не... Ваше высоче... тьфу, Величество, держите ухо востро.

– Еще бы, – ответил я. – Граф, вы меня не знаете! Я уже такой битый зверь и стреляная птица, что на любой куст сажусь и сразу же дую на молоко и вообще во все стороны. Или наоборот, не знаю, сажусь в молоко и дую на куст, все это как-то странно. Да и вообще, что-то как из мешка эти новые земли! Не люблю неожиданности. Нет, когда я кому-то – это хорошо и правильно, а когда кто-то мне – это свинство.

Они переглянулись, Норберт предложил:

– Я пошлю еще пару отрядов. Пусть соберут больше информации о королевстве. И узнают, что там творится.

– На самом деле творится, – уточнил Альбрехт. – А не то, что показывают.

– Обязательно, – подтвердил я. – А где мое Величество, пусть тот король пока не знает. Дескать, оно перемещается на своем быстром коне по всей армии, что растянута по границе Варт Генца и Бриттии. Как только появится, сразу сообщим. Оно – это я, если кто-то не понял спьяну.

Альбрехт потер ладони.

– Хорошо. Поводим за нос, этого у вас уже поднабрались... Что еще?

– Но сразу дайте ему понять, – велел я, – что, если у них какие-то проблемы, помочь ничем весьма, увы! Мы придерживаемся твердо и неукоснительно уважения границ суверенных королевств и ни в коем случае не позволим себе вмешиваться во внутренние дела народов с их суевериями и прочими традициями. Этого требует наша рыцарская честь, достоинство и заветы Господа... Подберите пару цитат из Библии. Это книга такая, епископ Геллерий знает, поручите ему.

Норберт буркнул:

– А если сразу сказать, что у нас своих дел хватает?

– Как можно, – спросил я высокомерно, – барон! Или это вы так шутите?.. Короли не могут быть откровенными, а я уже должен упражняться в королевствовании. Только высокие слова, но ни к чему не обязывающие! И весьма с виду весомые и гранитные, как скалы Морбертинии, но на самом деле скользкие, чтобы не могли ухватиться и предъявить, дескать, а вот тогда вы пообещали...

Он хмыкнул, промолчал, затем спросил озадаченно:

– Скалы Морбертинии... это где?

Я пожал плечами.

– Откуда мне знать? Может быть, их и нет, но звучит весомо, не так ли?

– Скалы Морбертинии, – повторил он в задумчивости. – Вообще-то да, название крепкое.

Альберт сказал бодро:

– Это я сделаю, ваше висо... тьфу, вы так долго засиделись в высочествах, что и не знаю, когда отвыкну! В общем, я с вами так наловчился политике, что даже сам себе вру и верю. Настолько умело вещаю, что уже и не различаю, где правду брякнул, а где государственные интересы блюду со свойственной вам неусыпностью.

Я сказал недовольно:

– Ну, спасибо... Ладно, идите.

Они переглянулись и вышли, как близнецы и братья, чуть ли не в ногу. Я поморщился, оба в чем-то очень похожие: Норберт заведует внешней разведкой, Альбрехт обожает заниматься внутренними интригами и разборками, сейчас объединили усилия, старательно пытаюсь разгадать мучившую их тревожную тайну: почему Мунтвиг вдруг отказался от Аскланделлы, женитьба на которой обещала ему так много?

Вчера, после долгих раскопок, сообщили, что сама Аскланделла, после того как я захватил ее свадебный обоз и она пообещалась со мной, решила повременить с замужеством

и к Мунтвигу поехала уже с планом, как заставить его самого отказаться от очень лестной и выгодной для него женитьбы.

Будучи в этой части хитростей, как оба уверяли меня, типичной женщиной, сумела так повернуть, что вот приехала к нему и жаждет выйти за такого великого правителя, однако он сам почему вдруг... ну не может же взрослый мужчина обижаться, если женщина обронила пару лестных фраз о его противнике?

Ага, не может, но только в том смысле, что не должен бы, но мы всегда люто обижаемся, если при нас хвалят другого мужчину, претендующего на тот же участок корма, самку или гнездо, разве не так, Ваше Величество?

Оба, особенно Альбрехт, восторгались ее умением, как она, не произнося ни слова, а только укоризненным взглядом, поворотом головы или чуть приподнятым плечом предельно успешно проводит свою политику. К счастью, не враждебную, иначе даже не знаю, где бы мы очутились, а чисто личностную. Так что это по ее вине мы не могли отправить ее ни Мунтвигу, ни отцу, и вообще не могли отделаться, хотя вроде бы она за нас не держится, а сама брезгует нашим обществом и всячески старается от него отдалиться.

Она необыкновенная, заверял Альбрехт, а Норберт всякий раз подтверждал кивком, она прирожденная правительница и управительница!..

Я поморщился, мои лорды выглядят идиотами, за такое пренебрежение должны бы платить ей презрением, а они еще больше благоговейт перед ее красотой, великолепием и недоступностью. Даже эти двое, уже раскусив ее мотивы... но раскусив ли?.. все равно восторгаются.

Но полог, опустившись за ними, отрезал и мои мысли об Аскланделле, хотя что-то самого тянет вспоминать ее все чаще. Особенно когда выяснили, что ее задерживает в нашем окружении интерес ко мне, такому замечательному и великолепному.

Если, конечно, это не ее хитрый ход, который должны раскрыть, на этом успокоиться и не копать глубже.

Зигфрид приоткрыл полог, лицо недовольное, как всегда, когда, по его мнению, меня тревожат зазря.

– Ваше Величество, – произнес он, и я отметил, что он с огромным удовольствием выговаривает этот новый титул, – там этот... как это, епископ Керубий! Который возлагал на вас корону...

– Наверное, что-то важное, – сказал я, – пропусти. Но шепни ему частным порядком, что мое Величество весьма занято, потому пусть будет краток.

Он исчез, а через минуту в шатер вошел Керубий, самый старший среди епископов, вообще-то архиепископ Варт Генца, остановился и перекрестил меня.

Я приблизился и, склонив голову, поцеловал ему руку с перстнем, символом власти церкви, так что я выказываю уважение не человеку, а тысячелетней структуре, что преобразовывает мир к лучшему.

– Ваше преосвященство, – сказал я, – садитесь вот сюда... Вина?

Он покачал головой.

– Не стоит, я зашел попрощаться. Мое присутствие требуется и в Варт Генце, и в Скарландии, не говорю уж о Ричардвилле. А вы, как я понял, отправляетесь усмирять восставшие королевства?

– Не усмирять, – возразил я. – Всего лишь выяснить, из-за чего недоразумения.

Он усмехнулся.

– Для того и двинули на юг две трети армии?

– Просто, – объяснил я, – для весомости аргументов. Самые разумные доводы звучат убедительнее, когда за спиной армия, победительница грозного Мунтвига.

Он снова перекрестил меня.

– Пусть Господь будет с нами. На своем пути, Ваше Величество, не только восстанавливайте церкви, но и сами заходите в них почаще. А то идут разговоры, что вы ведете себя двойственно: церквям и монастырям покровительство оказываете, но для общения с Господом не переступаете порога церкви!

– Если Бога нет в душе, – ответил я смиренно, – не встретишь его и во храме. Не так ли, ваше преосвященство?

Он возразил с неудовольствием:

– Но люди должны видеть вас посещающим церковь. Теперь на вас смотрят, Ваше Величество!

– Ваше преосвященство, – ответил я с неохотой, – в иных церквях священники... да что там священники, даже богословы могут заставить заподозрить, что Бог совсем дурак. Но это вовсе не так, я всякий раз в этом убеждаюсь, когда говорю с ним лично!

Он скривился.

– Ваше Величество, это близко к богохульству.

– Господь всех нас любит, – возразил я, – и не отгораживается от нас армией священников, а приходит к нему можно везде и всюду, а не только в церкви, да еще в отведенные для этого часы!

Он взглянул строго.

– Ваше Величество, я понимаю вас... но вслух этого нельзя. Такое близко к ереси. Простой народ в силу своего невежества и дикости нельзя допускать говорить с Господом напрямую! Он такое услышит... Потому только через священников, что могут точнее пересказать ответ Господа и наставить на более верный путь.

– Может быть, – согласился я. – Господь был слегка огорчен мятежными ангелами, а тут еще и мужики с требованиями вернуть издохшую корову...

У него приподнялись брови, а взгляд стал острее.

– Слегка?.. Разве не он низверг их в ад...

– Слегка, – подтвердил я. – Или, по-вашему, всемогущий Господь не мог их уничтожить одним словом, как и создал?.. Но лишь назначил их на должность пониже.

Он хмыкнул.

– Куда уж ниже!

– Но не уничтожил, – подчеркнул я. – Падшие ангелы все так же служат ему, как и служили. Только не на небесах, а уже и на земле. Но это еще и потому, что мир расширяется. Раньше ада вообще не было. А сейчас, говорят, еще и какое-то чистилище, но то ли есть, то ли нет, только собираются, а уже отпартовали...

Он посмотрел на меня с огорчением.

– Ваше Величество, ну зачем вы все усложняете?

– В смысле?

Он пожаловался:

– Для нормальных людей есть ангелы белые и есть черные. Черные вообще не ангелы, а уже черти рогатые, хвостатые и дурно пахнущие серой. А по-вашему, они работают на Господа, как и работали, только он перевел их заведовать постоянно расширяющимся адом и поддерживать в нем порядок!

– Примерно так, – согласился я. – Это говорит лишь о том, что Господь всемогущ. Все в его власти, как небеса, так и ад. Разве это плохо?

– Плохо, – ответил он.

– Почему?

Он вздохнул, посмотрел на меня несколько беспомощно.

– Размывая, – произнес он тихо, – грань между светом и тьмой, вы подходите к тому, что не зазорно общаться и с ангелами ада... дескать, мы все в одном войске Господа и все выполняем его указы.

Я пробормотал:

– Примерно так. А что вас тревожит?

– Это уже близко, – произнес он с трудом, – к отступлению от нашего Творца. Не влезайте в эти дебри, Ваше Величество! Там и опытные богословы теряют головы. Разве у вас мало житейских проблем?

Я поклонился.

– Ваше преосвященство...

Он улыбнулся, благословил меня и вышел из шатра. Я вернулся к столу и карте, но некоторое время мысль, угасая, трепыхалась насчет Бога, почудилось вдруг, что Бог-Творец раздробил себя на множество существ-людей, а сам перестал существовать, передоверив все нам.

Или другой вариант, еще хлеще и дурнее: половину себя отдал на частицы для людей, и потому мы все такие амбивалентные...

За пологом шатра слышались голоса, вошел Норберт, хмурый и сосредоточенный.

– Сэр Норберт, – напомнил я, потому что он застыл и ждет, пока я по этикету изволю заговорить с ним первым, – мы не в зале на торжественном приеме, где вы каждым взглядом выказываете, что я – самый замечательный и великий король!.. Так что давайте без этих вот, а то заподозрю, что и вы начинаете издеваться над моим Величеством!

Он сдержанно улыбнулся.

– Простите, сэр Ричард, просто я еще не отошел от великолепия коронации... Спешу доложить, что отряд посольства уже достаточно близко. Но там одна странность...

– Слушаю, – сказал я.

– Почему-то, – ответил он, – вперед вырвалась небольшая группа всадников. В смысле, все расположились на отдых, а эти не стали расседлывать коней, галопом ушли в нашу сторону. И продолжают путь, хотя кони, видно издали, уже устали.

Вошел Альбрехт, я лишь кивнул ему и перевел взгляд на сосредоточенного Норберта.

– Полагаете, там раскол? И кто-то хочет кого-то опередить?

Он кивнул, уточнил бесстрастно:

– Похоже на то. Главное, что тревожит... король с ними.

Я нахмурился, переспросил:

– Сколько в той группе? В которой король?

– Всего пятеро, Ваше Величество. С королем.

Я махнул рукой.

– Тогда примем сразу. Похоже, у короля помимо официальной версии есть и тайная миссия.

Альбрехт сделал шаг вперед, лицо недовольное, искривил губы.

– Ох, не нравятся мне эти неофициальные. Вы правы, Ваше Величество... ух ты, сразу выговорил!.. у нас своих дел, как вы говорите, выше крыши да еще и там аист в гнезде. Может быть, как-то узнать заранее, чего он хочет?

– Вряд ли успеем, – сказал я. – Те спохватятся и пустятся вдогонку. Повод предельно ясен, с которым не поспоришь: не хотят, чтобы Их Величество подвергало себя опасности.

– Хорошо, – ответил он, – я скажу, чтобы Зигфрид и его спутница проверили этого короля.

– Они даже вас проверяют, – сказал я ехидно, – так что им такое напоминать не надо.

Он нахмурился и вышел, сделав вид, что громко хлопнул пологом.

Глава 2

Норберт то и дело докладывал о передвижении пятерки всадников во главе с королем. Меганвэйл выставил элитную группу тяжеловооруженных всадников из числа простых воинов, те всегда моментально выполняют приказы, и сейчас выстроились в красивую линию, держа длинные копыа остриями кверху, конские морды на одном уровне, начищенные бляхи ярко блестят на упряжи, а на доспехи вообще больно смотреть.

Уже видно, что всадники несутся во весь опор, я уже различал взмыленные конские морды, впереди двое рыцарей в одинаковых плащах, но у одного на стальном шлеме золотая корона в виде блестящего обруча с небольшими и явно не очень дорогими камешками на зубчиках, такие не жалко потерять при ударе палицей по голове.

Я оглянулся на своих, одеты пышно, но с небрежностью боевых лордов, что немалую часть жизни проводят в седле, а в ладони чаще держат рукоять меча, чем трепетные женские пальчики.

Навстречу же приближаются именно вельможи. Хотя различия сразу и не уловить, но они заметны, как в одежде, посадке и даже как смотрят в нашу сторону.

– Всем стоять, – распорядился я. – Они прибыли с каким-то делом, им и вся инициатива.

– Так удобнее, – согласился Альбрехт.

Прибывшие перевели коней на шаг, те моментально послушались, измученные настолько, что спотыкаются на ровном месте, все в пыли, у переднего коня, у которого всадник с короной на шлеме, морда в пене, что желтыми хлопьями срывается под копыта.

Я пустил коня вперед, краем глаза видел, как тяжеловооруженные всадники Меганвэйла по взмаху его руки с двух сторон широкими дугами окружили приближающихся всадников.

Сам я двигался медленно, всего лишь выказывая учтивость хозяина, повод в левой руке, правая ладонью свободно лежит на бедре, вид спокойный и благожелательный.

Король, как вижу с каждым конским шагом, достаточно молод, во всяком случае, возраст не Шарлегайла, Гиллеберда или Барбароссы. Уже знаю, тридцати-сорокалетние не совсем еще древние старики, смотрится достаточно хорошо. Хотя видно, как смертельно устал, но в лице сдержанное достоинство, как и в каждом жесте.

Длинный плащ, что накрывает спину коня по самую репицу хвоста, прячет его одежду, так что смотрится просто богатым путешественником на добротном коне.

Он бросил короткий взгляд в сторону внимательно наблюдающего за ним Бобика.

– Судя по этой собачке, – проговорил он вежливо, – я имею честь общаться с его высочеством Ричардом Завоевателем?

– Да, – ответил я, – у некоторых такая судьба, их замечают либо по коню, либо по собаке, либо по особой любовнице.

Он улыбнулся широко и чисто, а я ощутил, что его лицо вызывает симпатию.

– Завидую, – ответил он с поклоном, – а у меня даже собаки нет, чтоб меня по ней замечали!

Я тоже засмеялся, широким жестом указал в сторону своего шатра.

– Ваше Величество?

– Благодарю, – ответил он. – Как вы уже знаете... по сообщениям ваших конных разведчиков, я – сюзерен королевства Гланды Бенджамин Регенштайн.

Я ответил вежливо:

– Во избежание путаницы сообщаю вам новость, надеюсь, вам приятную: я – король.

За его лицом следил внимательно, в глазах мелькнуло недоверие, но тут же сменилось радостью, так что да, у этого короля есть какие-то причины радоваться моему возвышению.

– Поздравляю, – сказал он живо, – Ваше Величество! Король Варт Генца?

– Нет, – ответил я скромно, – всего лишь объединил Варт Генц, Скарлянды и Эбберт... но это такая рутина... С чем прибыли так спешно, Ваше Величество?

Он оглянулся на четверку своих рыцарей, их остановили на расстоянии люди Меганвэйла.

Улыбка скользнула на его губах.

– От этих у меня нет тайн, – ответил он, – но, честно говоря, мое дело не терпит отлагательств. Потому предпочел бы сперва переговорить, если на то у вас будет время, а отдыхать и все прочее – потом.

Медленно приблизились и остановились в трех шагах Альбрехт и Норберт, оба уже не просто настороженные, а ошестившиеся, готовые драться и отстаивать интересы своего сюзерена.

Я сказал им приподнято и громко:

– Займитесь спутниками Его Величества! Накормите, напоите... В общем, развлекайте пока в своем кругу.

Воины перехватили поводья наших коней, король Бенджамин спешился медленно и степенно, хотя чувствую, двигаться может быстрее, но это несовместимо с королевским величием, да и промах допустить легче.

– Ваше Величество, – сказал я и указал на свой шатер.

Он не стал говорить учтивостей типа после вас, здесь я хозяин, просто шел рядом, а я чувствовал, что он нравится все больше. Видно внутреннее достоинство, такие люди не стараются возвыситься над другими, тем более показать свое превосходство, но и сами щепетильны в вопросах своей чести.

Чувствую, с чем бы он ни прибыл, но может гордо встать и уйти, если чем-то задену его достоинство.

Зигфрид и Скарлет, временно подменив стражей, распахнули перед нами полог. Я видел, как всматривается в короля Скарлет, в обеих ладонях у нее зажаты некие штучки, потому полог схватила двумя пальцами.

Мне показалось, король что-то заметил, по губам скользнула легкая усмешка, однако, думаю, такие же или похожие предосторожности предпринимают и в его королевском дворце, так что не повел и глазом, вошел и остановился, осматриваясь с видом человека, что заглянул к приятелю, с которым не виделся несколько лет.

Я указал на кресла.

– Садитесь, Ваше Величество. Промочите горло с дороги.

Он с сомнением посмотрел на появившийся перед ним фужер из тончайшего стекла, я вовремя сориентировался и наполнил его чистейшим виноградным соком.

Темно-красная поверхность с пузырьками поднялась строго до ободка, там послушно замерла, а пузырьки продолжали красиво лопаться, словно в шампанском, подбрасывая кверху крохотные блестящие шарики.

– Ваше Величество, – сказал я, – это не совсем то, что вы думаете.

Он осторожно взял фужер, я наблюдал, как он поднес край к губам, сделал легкий глоток. Брови взлетели вверх, на лице отразилось радостное изумление.

– Спасибо, Ваше Величество, – сказал он. – Это как раз то, что я хотел бы. Простите, не удержусь.

Я был готов, и едва он жадно осушил фужер, я наполнил его снова так же доверху.

Он в изумлении pokrutil головой.

– Первый вопрос напрашивается сразу, как вы ухитрились сохранить свежий виноградный сок, не допустив сбраживания? Но ответ тут же приходит сам... Ваше Величество, как вы догадываетесь, я прибыл с достаточно важной для меня миссией и весьма деликатной, потому рискнул оставить свиту позади.

– А эти четверо?

– Мои самые доверенные люди, – сказал он. – Друзья детства, не предадут. Но все-таки даже... пусть пока пообщаются с вашими рыцарями.

– Понял, – ответил я. – Так в чем ваша проблема? Взбунтовались лорды? Вас хотят лишить трона?

Он взглянул на меня в изумлении.

– Почему это... Ах да, простите! Конечно же, эта мысль должна прийти первой, когда вы увидели, как я ринулся разыскивать вас...

Я ощутил, что от сердца отлегло. Очень уж не хотелось бы отказывать этому приятному человеку, но отказать бы пришлось, у меня кроме проблем в Варт Генце еще и Ротильда в Мезине, Барбаросса в моей Ламбертинии, не говоря уже и потерянном Сен-Мари.

– Простите, – сказал я искренне, – это в самом деле первая мысль. Должен сказать, она имеет под собой почву в виде некоторых прецедентов.

Он кивнул.

– Да-да, понимаю. Когда в стране мятеж, король зачастую бросается за помощью к соседним королям, с которыми чаще всего и повязан не только договорами, но родственными связями.

– Значит, у вас, – сказал я, – мятежа нет?

Он покачал головой.

– Нет повода. Смею сказать, меня поддерживают практически все лорды королевства. И моим правлением все довольны. Страна богатеет, торговля бурно развивается как внутри, так и с соседями, рыцарские турниры у нас три раза в году только общекоролевские... а еще десятки турниров по городам, постоянно карнавалы, шествия, празднества, сожжения ведьм... Нет-нет, все довольны! У нас очень прочный мир.

Я наполнил фужеры шампанским, свой взял первым и осушил до половины.

– За это стоит выпить. Но, понимаю, мир прочный, но не слишком. Главное вы еще не сказали.

Он взял фужер в руку и, держа за тонкую ножку, любовался стремительно поднимающимися сквозь легкое жидкое золото серебряными блестящими пузырьками, что укрупняются на глазах, а над поверхностью подпрыгивают, рассыпая мельчайшую винную пыль.

– Все верно, – ответил он замедленно, – я в самом деле не сказал главное...

Я произнес с сочувствием:

– Возможно, вам это сказать трудно, понимаю, бывают ситуации... Но вы примчались, загоняя коней...

– Увы, – ответил он, – как раз такой случай.

– Слушаю, – сказал я, видя, как он остановился снова.

Он вздохнул и сказал погасшим голосом:

– Главное в том, что я сам намереваюсь нарушить мир и спокойствие. Более того, я твердо решил идти дорогой, которую избрал.

Лицо его потемнело, на лбу морщины стали глубже и резче. Глаза как будто чуточку втянулись в пещеры, а брови нависли, словно навесы, с которых вот-вот обрушится на врага град камней, преграждая вход.

Я насторожился, мелькнула мысль, что Альбрехт был прав, стоило этому королю сразу дать от ворот поворот, видно же, не от хорошей жизни мчался к нашему лагерю, едва не загоняя коней.

– Ваше Величество? – спросил я вежливо.

Он уловил изменение в моем голосе, грустно улыбнулся.

– Да, я готов...

– У нас масса своих проблем, – напомнил я, – наверняка вы о них уже слышали.

– Да-да, – ответил он. – В Варт Генце гражданская война за трон... но, как я понял, если вы уже король, то пламя вашими усилиями погашено?

– Только в Варт Генце, – пояснил я. – Но в других местах разгорается еще жарче.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

– Ваше Величество, я все тщательно обдумал. Поверьте, у меня были не часы, а годы. Да-да, годы мучительных поисков выхода.

Я сказал еще осторожнее:

– Тогда это нечто очень серьезное. Поймите меня правильно, я не хочу ни во что влезать. Это говорю откровенно, так как чувствую к вам самую искреннюю симпатию, иначе наговорил бы много лестных слов, как принято у дипломатов.

Он сказал быстро:

– А вам и не придется влезать!

– Ну так тогда...

– Выслушайте, – сказал он. – У нас в самом деле богатое и благополучное королевство. А я правлю, как все считают, умело и, что особенно приятно слышать, мудро. Я все еще неженат, лорды давно подталкивают меня к женитьбе, всерьез обеспокоенные, что у меня до сих пор нет наследника.

– Это серьезно, – согласился я. – Наследник нужен. Иначе страна погрузится в изнурительную войну за трон между самыми могучими кланами или семьями, где как.

Он кивнул.

– Да, правы.

– Тогда почему?

Он поднял голову и прямо посмотрел мне в глаза.

– Потому что у меня давно есть невеста... но лорды не хотят о ней даже слышать.

– Незнатная? – спросил я.

Он кивнул, в глазах проступило благодарное выражение.

– Спасибо, Ваше Величество, вам ничего не нужно объяснять... Король, по их мнению, должен взять в жены только дочь другого короля. В самом крайнем случае, племянницу, но в этом случае получить в приданое обширные земли.

– Разумный подход, – согласился я.

Он вздохнул.

– Думаете, не понимаю?.. Я ведь сын короля и внук короля, меня с детства воспитывали и готовили быть королем. Сам бы такое посоветовал другим. Да и сам бы так поступил, если бы леди Каринда Твидл не оказалась самой удивительной женщиной на свете, за один взгляд которой я готов отдать жизнь!.. Потому когда натиск лордов и моих советников стал совсем невыносимым, я решил выбрать между короной и любовью...

Он замолчал, я сказал осторожно:

– Кажется, догадываюсь.

– Спасибо, Ваше Величество, за понимание.

– А где леди сейчас?

– В данный момент, – ответил он тихо, – мои верные люди сопровождают ее по дороге в Бурнанды. У меня есть друзья в Варт Генце и Бурнандии, в Варт Генце их даже больше, но сейчас там война... Ах да, уже нет, но я же не знал. В последние два года были попытки ее отравить, потому я сперва выставил усиленную охрану вокруг ее имения, а всех слуг заменил на преданных мне лично. Неделю назад преданные мне люди по моему распоряжению переехали в монашку... это на случай, если чужие наблюдают, и вывезли из имения.

– Хороший ход, – согласился я. – Ладно, вы сумели сохранить ей жизнь. Так что, вернетесь в столицу и... примете свою судьбу, как надлежит королю?

Он покачал головой.

– Нет. Ни одна из женщин, которых мне предлагают в жены, не достойна и краешка ногтя с ноги леди Каринды. Но, как я уже говорил, я продумал самые разные варианты, как выйти из положения.

– Вы король, – напомнил я с сочувствием.

– Но и мужчина, – возразил он. – А мужчина обязан защищать свою женщину, даже если это будет стоить ему короны!

– Ого, – сказал я с осуждением, но одновременно и уважением. – И что вы надумали?

Он ответил с тяжелым вздохом:

– Среди вариантов спасения был и такой, ради реализации которого я примчался к вам, Ваше... Величество.

– Слушаю, – сказал я, возвращаясь к прежней настороженности.

– Если я объявлю, – сказал он, – что женюсь на леди Каринде, часть лордов откажется признать брак короля с простолюдинкой. Хотя, конечно, леди Каринда не простолюдинка, а из очень древнего рода, только давно утратившего власть и влияние... Королевство будет повергнуто в хаос, так как с этих земель перестанут поступать налоги. Потом, как вы понимаете, и другие лорды захотят последовать их примеру. Кто из чувства чести, кто из корыстных соображений. Королевская власть исчезнет даже без войны, однако война все-таки начнется потом, когда начнутся споры, кому сесть на трон!

– Это точно, – согласился я. – Без этого не обходится.

Он сказал с тоской:

– Уж и не знаю, что хорошего в королевском троне? Только возможность плевать сверху?..

– И нагибать тех лордов, – добавил я, – которые обижали в детстве. Ладно, так что у вас за план?

Он вздохнул, перевел дыхание, но некоторое время молчал, словно не решаясь высказать что-то очень важное, что разом изменит расстановку сил.

– Идеальный вариант, – сказал он после паузы, – это мне остаться на троне... так как я в самом деле хороший правитель, жениться официально на леди Каринде, а она леди, раз я заново даровал ее отцу дворянское достоинство... а поверх всего... не допустить раздоров!

Я посмотрел на него исподлобья.

– Кажется, догадываюсь.

– Ваше Величество?

– Нет уж, – возразил я, – изложите сами, а я покритикую. Я страсть как люблю критиковать! Ни за что не отвечаешь, а выглядишь таким умным, мудрым, всезнающим, предусмотрительным...

Глава 3

– План очень рискованный, – признал он. – Чтоб волки сыты, овцы целы, и даже пастуха не сожрали... Вы принимаете наше королевство под свою руку. Против это решатся возразить только самые безрассудные, мы все уже слышали, что армии Мунтвига на границе Варт Генца разгромлены вами, после чего вы ушли захватывать столицу Мунтвига.

– Ого, – сказал я пораженно. – Я о таком не говорил!

Он усмехнулся.

– Мои советники, посоветовавшись, сделали такие выводы. А раз вы вернулись, значит, там сделали все, что планировали... По всему нашему королевству в этом уверены.

– И вы постарались? – спросил я с пониманием.

Он шутливо поклонился.

– Это в моих интересах.

Я сказал с иронией:

– Благодарю за лестные отзывы.

– Ваша грозная слава, – сказал он, – может служить моей защитой. Конечно, это зависит от вас, пожелаете так поступить или нет, но вы можете.

Я сказал с досадой:

– Погодите! Вы король и я уже король, оба знаем и даже понимаем, такие решения с ходу не принимаются. Да, очевидно, вам это даст возможность жениться на леди... как ее, Каринде, так как королевство перейдет формально под мою власть. Но, разумеется, вы не хотите, чтобы это случилось на самом деле?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

– Не хочу.

– Но вы рискуете, – предостерег я. – Если получаю верховную власть над королевством, то могу и воспользоваться в своих корыстных интересах, не так ли?

Он покачал головой.

– Это самый сложный болезненный вопрос, Ваше Величество. Я думал над ним последние полгода почти ежедневно. И склонялся то в одну сторону, то в другую.

– И что...

Он прямо взглянул мне в глаза.

– Решил отложить решение до личной встречи. Вот так лицом к лицу можно понять намного больше.

– Внешность обманчива, – предостерег я.

– Не для всех, – обронил он мягко, – детей королей с колыбели учат разбираться в людях, указывая на придворных, слуг, послов, гостей... Вы можете быть жестоким, Ваше Величество, как и вероломным, но вы не жестоки и не вероломны. И в разговоре с вами все больше убеждаюсь, проявите должное великодушие и... не воспользуетесь возможностью захватить еще одно королевство.

– Вы переоцениваете мое великодушие, – ответил я мрачно, – я еще та беспринципная свинья! Особенно когда дело касается политики. У нас, мужчин, из утробы матери идет стремление быть лучшими, а быть лучшим в политике – это стать самым подлым, хитрым, лживым, нарушающим любые договоры, если это на пользу.

Он чуть-чуть побледнел, во взгляде промелькнул страх, но выпрямился и сказал твердо:

– И все-таки я верю в ваше великодушие!

Я скривился, сказал зло:

– Думаете, не понимаю? Да, вы продумали хорошо. Полгода взвешивали за и против? И если вот я пообещаю вам, а потом захвачу Гланды, то о вас будут слагать баллады, как о бла-

городнейшем из рыцарей, обезумевшем от любви и пожертвовавшим ради нее даже короной, а обо мне, как о подлейшем из правителей!

Он спросил, глядя исподлобья:

– Но ведь это похвально для политика?

– По мнению других политиков, – отрубил я. – Но лорды, торговый люд и даже просто-народе думают иначе. А я, увы, почему-то их мнением дорожу тоже. В конце концов, это они, а не политики слагают баллады, над которыми даже рыцари роняют слезки!

– Значит, – проговорил он, оживая на глазах, – для политика поддержать мое желание жениться на леди Каринде и рискнуть короной – выгодно! Не так ли?

– Нужно сперва просчитать все риски, – сказал я неохотно. – И взвесить. Хотя вариант есть...

Он внимательно и настороженно следил, как я поднялся и пошел к большому сундуку в углу шатра. На крышке огромный амбарный замок, но я вытащил дужку из петель и, отшвырнув на лавку, поднял крышку.

Король Бенджамин все это время не двигался, короли вообще избегают лишних движений, а я вытащил свернутый в трубочку лист бумаги, он обвязан шелковыми нитями и запечатан большой свинцовой печатью, раскачивающейся на шелковой веревочке.

– Поинтересуйтесь.

Он осторожно взял в руку, но не вскрывал, смотрел на меня испытующе.

– Что здесь?

– Вскрывают, – сказал я. – Там нет колдовства. Полагаю, Ваше Величество, вам надлежит внимательно прочесть вот этот документ прежде, чем продолжим разговор. Не пугайтесь, он не направлен против Гландии, как и вообще не направлен... внешне. Это коллективный договор ряда королевств о взаимной поддержке и взаимовыручке. Когда поставите свою подпись, у меня будут веские основания вмешиваться в вашу политику.

Он с некоторым испугом взял в руки свиток.

– И что... кто-то готов подписать?

– Уже подписали, – соврал я, не моргнув глазом. – Короли Сакранта Леопольд Кронекер, Ирама – Иоанн-Георг Гехинген, Бриттии Ричмонд Драгсхолм, Гиксии Натаниэль Стокбридж... а вскоре подпишет Варт Генц, который уже не Варт Ганц, а королевство Великая Улагорния... ничего-ничего, скоро и до вас докатятся это великолепные новости, которые нашим недругам покажутся грозными и недобрыми.

Он начал осторожно высвобождать листок от печати и шнурков, лицо стало озабоченным.

– А вы уверены...

Я прервал:

– Вы не прочли еще, а уже шерсть дыбом, как у дикобраза! Дикобраз – это такой большой ежик. В договоре предусмотрено, никто не может вторгаться к вам, как и к другим, не иначе чем по просьбе местного короля!.. К примеру, помочь погасить мятеж. Понимаете же, что даже если король может погасить и сам, это будет стоить ему большой крови, а если с трех сторон войдут дружественные армии...

– Ох, – пробормотал он, – не верю я в дружественные армии.

– Я тоже, – ответил я, – но верю в коллективный договор. Ни я, ни кто-то другой к вам не сунется. Однако ваши лорды будут знать, что на троне – Бенджамин Регенштайн, а если попытаются сместить, пусть даже за нарушение их древних обычаев, союзные войска войдут по вашей просьбе в королевство и, салютуя вам, разорят гнезда непокорных.

Он наконец-то перевел дыхание, чуточку ожил, даже глаза заблестели.

– Мне кажется, Ваше Величество, – сказал он живо, – вам сам Господь подсказал текст такого договора!..

– Да, – согласился я, – у нас Господь достаточно мудрый, как бы ни сомневались еретики.

– Я подпишу договор, – сказал он. – Не ради спасения шкуры... что для мужчины всего лишь жизнь?.. но потому, что хочу править богатым и цветущим королевством...

– А как же подвиги? – спросил я.

Он коротко усмехнулся.

– Я же из династии королей, Ваше Величество! Меня еще прадед держал на коленях и говорил, что лучше всего, когда рыцари проливают кровь на турнирах, а не в войнах. И дед повторял. И отец. Турниры всегда можно сделать еще более жестокими и кровавыми, если так уж народ жаждет, но все равно это не война!.. К примеру, сейчас самыми популярными остаются одиночные схватки, но можно сместить интерес в сторону мелее. Когда отряд на отряд... а лучше, большой отряд на большой отряд... это и есть контролируемая война, что ведется на специально отведенном поле и не разоряет города и села!.. Честно признаюсь, подвиги люблю, но свирепею, когда сжигают деревни и убивают крестьян!

Я смотрел на него с интересом.

– Вижу, вы все продумали.

Он ответил скромно:

– Большую часть я услышал от деда. А сам разве что чуть-чуть оформил в понятные слова. Это говорю не ради спасения шкуры, что она для мужчины, как уже сказал, но королевства в самом деле должны жить в мире! Но мы хоть постоянно это твердим, а воюем и воюем.

Я посмотрел на фужеры, оба заполнились темно-красным вином богатого насыщенного оттенка.

– Ваше Величество... Я всегда радуюсь, когда встречаю хорошего человека. А сегодня у меня такой день!.. За леди Каринду?

Он с широкой и счастливейшей улыбкой на лице взял в руку бокал с вином и поднял на уровень глаз.

– За нее, Ваше Величество! И спасибо за понимание.

Какое там понимание, мелькнуло в моей голове, когда появился Альбрехт и учтиво сообщил, что для Его Величества подготовили шатер, может отдохнуть малость, пока подтянется остальная свита. А четверку друзей он может пригласить к себе хоть сейчас.

Какое понимание, я уже почти не понимаю, как это можно так безуметь от любви, что идти на риск гражданской войны в стране! Хорошо, все же нашел выход, извернулся, хотя вообще-то самое правильное было бы отказаться от этой Каринды и жениться на дочери другого короля, женщины все одинаковы, но так бы еще и упрочил свой трон и положение династическими узами.

С другой стороны, как он верно заметил, мы все-таки живем в благородном рыцарственном мире, даже простолюдины стараются не уронить себя, а уж нам тем более не пристало. И не потому, что такие вот честные, а живем в таком мире, где честность и благородство еще почитаемы. И когда говорят о мужском достоинстве, то говорят о мужском достоинстве, а не о том, что имеют в виду демократы.

Прошло не больше четверти часа, как быстро вошел Норберт и доложил почти шепотом:

– Показались всадники! На знаменах цвета короля Гландии.

– А чего шепчете, сэра Норберт? – спросил я. – Они что, уже за шатром?

Он помотал головой.

– Нет, им еще с полчаса...

– Тогда не шепчите, – сказал я сурово. – Мы не заговорщики, мы можем говорить ясно и четко во весь голос. Уже достаточно окрепли, чтобы ясно и четко заявить о своей единственно верной в мире позиции. А шепчут пусть те, кто с нами не совсем согласен.

Он сдержанно улыбнулся.

- Именно так, Ваше Величество.
- Ричард, – напомнил я.
- Именно так, – повторил он, – сэр Ричард.

Глава 4

В отряде из Гландии не больше сотни человек, это даже не слишком много для посольства, бывают и помногочисленнее, знатных не больше трети, остальные оруженосцы, слуги и охрана. Хотя сами лорды умеют сражаться лучше слуг, но те положены по статусу.

Я смотрел, как они приближаются, кони у них измучены еще больше, все-таки лучшие из лучших всегда у короля. Во главе отряда наиболее пышно одетые и спесивые лорды, от их облика так и веет могуществом и властью.

Вперед выехали Меганвэйл, Арнубернуз, Хельмут и другие военачальники, равные встречают равных. А я, восседая на Зайчике, ждал спокойно и с привычной уже мне улыбкой благожелательности и почти церковной кротости.

За спиной слышались голоса, король Бенджамин и четверо его ближайших друзей поспешно вышли из отведенного им шатра.

Я помахал им рукой, спешил и дал воинам забрать у меня Зайчика.

– Встречаем ваших спутников? – спросил я. – Вы все прочли внимательно, Ваше Величество?

– И готов поставить подпись, – ответил он. – Вне всякого отношения моего деликатного случая. Прекрасно понимая, что такой союз может привести к образованию империи.

Я отшатнулся.

– Ваше Величество! Даже не заикайтесь!

– Почему?

– Большим кораблем управлять труднее!

– Но большой корабль, – возразил он, – перевозит больше груза. А это достаточный соблазн...

Я не ответил, к нам в сопровождении наших полководцев и самого Меганвэйла подъехали и почтительно поклонились трое, как я понял, верховных лордов Гландии, остальные держатся почтительно позади, меня рассматривают с любопытством.

Король Бенджамин пустил коня вперед и произнес торжественно:

– Ваше Величество, позвольте представить вам моих соратников и наиболее значительных лордов нашего королевства! Герцог Раймонд Гансмайер, владетельный сеньор земель Морании и Авгалии, герцог Адриан Стонехэм, знатнейший из рода Сандринов, хозяин крепостей Виппергард и Укернст с прилегающими к ним землями, а также представитель самого древнего рода герцог Николас Пачклифф, владеющий землями Джаннетерии и Марлонга!

Герцоги с достоинством кланялись, я улыбался, наконец раскинул руки в гостеприимном жесте.

– Дорогие друзья, пусть ваши кони отдохнут, а вас ждем в наших шатрах!.. Приведите себя в порядок, переведите дух, а потом поговорим и о делах.

Как только их увели, показывая дорогу, я повернулся к Норберту.

– Дорогой барон, – сказал я строго, – где сейчас наша разведка?

Он посмотрел чуточку исподлобья.

– С вашего разрешения, Ваше Величество, я перебросил большую часть в южные регионы...

– Я своего разрешения вроде бы не давал, – уточнил я, – но я весьма доволен, что вы понимаете нужды нашего нового королевства. Это даже лучше, чем если бы я заботился о каждой мелочи сам.

Он произнес ровным голосом:

– Вообще-то, я послал туда отряды задолго до вашей коронации. Или коронования, как правильно?.. В общем, часть пошла через Бурнанды в Мезину, часть через Турнедо и Шател-

лен в Ламбертинию... Один небольшой отряд отправлен в Сен-Мари, но когда еще туда доберутся...

– Неплохо, – одобрил я. – А сейчас подберите еще парочку гонцов на ришаровских конях. Отправим их в Мезину, но уже не для сбора данных, а с прямым и недвусмысленным посланием.

– Ваше Величество? – спросил он с беспокойством и уточнил: – Сэр Ричард?

– Я написал ей записку. Это, вообще-то, называется нотой, дипломатической нотой. Вот смотрите: «Королеве Ротильде. Его Величество король Великой Улагорнии Ричард Завоеватель повелевает вам незамедлительно явиться, оставив все дела, на его суд, который состоится у крепости Зеленый Томальдер, что на границе Турнедо и Мезины.

Любое промедление будет считаться объявлением войны и повлечет вторжение Великой и Победоносной, Познавшей Радость Побед и разгромившей армии Мунтвига».

Когда он прочел, останавливаясь в задумчивости чуть ли не на каждом слове, я спросил с беспокойством:

– Ну как? Не слишком мягко?... А то самому неловко, становлюсь таким гуманным и чувствительным, будто готовлюсь в церковном хоре стать подпевалой.

Он пробормотал:

– Да уж... настолько мягкое, что я даже и не знаю...

– А что посоветуете? – спросил я. – Где усилить?

Он сказал задумчиво:

– Можно посоветовать ей сразу отрезать себе гениталии, вскрыть живот и вытащить кишки, чтобы сжечь тут же у себя на виду...

– Так женщинам, – спросил я с сомнением, – вроде бы не отрезают... ну, ничего не отрезают?

Он сказал с сочувствием:

– А жаль, правда?... Увы, для них только петля или голову с плеч. Кому мечом, кому топором, все зависит от степени знатности. Но вы же не захотите, чтобы она повесилась по вашему указу там у себя в Баллиimine?

– Нет, конечно, – ответил я.

– Самому повесить куда слаже, – сказал он понимающе. – Потому да, пусть явится... нет, прибежит на задних лапках, держа в пасти ваши туфли, иначе будет хуже... Хотя, конечно, если прибежит, все равно будет плохо. Зато вам хорошо.

Я спросил в сомнении:

– А вдруг все поймет и... в самом деле прибежит?

– Гм, – сказал он, – тогда как?

– Пусть, – сказал я с нажимом, – королева Мезины, вероломная Ротильда, прибедет ко мне на встречу на границу с Турнедо и даст полный отчет в своих гнусных действиях. Ладно, «гнусных» не говорите, и так ясно, что сами по себе любые действия со стороны женщин преступны. Ибо данные особи должны сидеть смирно и сопеть в тряпочку. Можно сразу предупредить гонца, что церемониться не буду. Не с ним, а с нею. Пусть так и сообщит... частным образом.

Он посмотрел с интересом.

– Хотите, чтоб даже не думала выезжать к вам на суд?

– Хочу, – ответил я.

– Тогда как?

– Сценарий отработан, – ответил я жестко. – Вводим войска, устанавливаем прямое прези... гм... правление моего справедливейшего Величества. Всех виновных под суд, то есть казнить в меру их причастности. Кого повесить, кому голову прочь, а кому и достойное чет-

вертование. Я первым должен соблюдать законы! На меня народ смотрит как бы с надеждой. Я лицо их чаяний, и вообще.

Он кивнул, поинтересовался деловито:

– Эту ноту отправить сегодня?

Я посмотрел сердито.

– Не сегодня, а немедленно!..

Он кивнул, свернул листок в трубочку и тут же вышел.

Я продолжал намечать на карте Великой Улагорнии те изменения, которые предстоит провести в жизнь, в первую очередь выстроить крепости в стратегически важных местах и провести к ним дороги, вздрогнул, когда в шатер вошел Меганвэйл и спросил почтительно:

– Ваше Величество, вы... изволите?

– Что? – спросил я тупо.

– Посольство, – напомнил он. – Если вы готовы, то сейчас самое время. Их тоже держать не стоит, шатров у нас маловато, а в палатки такую знать не поселишь...

Я со вздохом поднялся.

– Пойдемте, герцог. У нас мало не только места, но и времени. Сегодня же отпустим их обратно.

Он взглянул искоса.

– И решите все вопросы?

– Вопросы решим за три минуты, – пообещал я. – И еще час на всякие учтивости, застолье, комплименты и уверения в нерушимой дружбе отныне и до забора!

– Сэр Ричард?

– Отныне и навек, – пояснил я. – Что-то вы слишком серьезны! Великие дела всегда творятся весело и случайно. Идемте! Будем строить новый мир.

Он придержал для меня полог шатра, я вышел, пригибая голову, на свежий почти летний воздух и в залитый солнцем мир зелени и ярких красок одежды, шатров и зеленой травы.

В шатре, предоставленном графом Арнубернузом, на скамьях вокруг стола, заставленного жареным мясом и кувшинами с вином, расположились король Бенджамин и с десятков его знатнейших лордов, не считая моих полководцев, остальным гландийцам нашлись места у костров, где, впрочем, тоже есть вино и такое же мясо на прутиках над раскаленными углями.

Я вошел быстро, весь деловой и не теряющий ни минуты, пусть даже наедине с собой мямля и разиня, сказал с напором:

– Не вставать, не вставать!.. Мы в воинском лагере, а не королевском дворце!.. Приветствую, всех приветствую...

Те, кто уже подхватился, медленно опускались на сиденья, на лицах недоумение и замешательство, мои лорды тихонько посмеиваются с чувством полнейшего превосходства.

Я сел, оглядел всех весело и строго.

– Очень рад, что вы прибыли в такое судьбоносное время!.. И весьма переломное, кто бы подумал. Сейчас погибает старый мир, но мы попытаемся создать новый. Конечно же, самый справедливый. Если мой кузен его Величество король Бенджамин еще не ввел вас в курс дела, то я сделаю это за него. Слушайте внимательно...

Они и так все превратились в слух, я демонстрирую новые стандарты государственного деятеля: энергичного, быстрого в решениях и стремительного в проведении их в жизнь.

– Я предложил договор коллективной безопасности, – сообщил я, – который уже подписали ряд королей, а кто не подписал, то лишь потому, что отсутствовал в это время во дворце, а я не мог ждать...

Герцог Раймонд Гансмайер поинтересовался осторожно:

– В чем суть договора?

– Этот договор коллективной безопасности, – объяснил я, – вообще-то, правильное назвать договором королей, ибо в первую очередь это укрепляет власть местных сюзеренов.

– Ваше Величество? – спросил герцог Адриан Стонехэм, который знатнейший из рода Сандринов, хозяин крепостей Виппергард и Укертст с прилегающими к ним землями, что означает, по-видимому, что это человек, с мнением которого считается даже король.

– Говоря простыми словами, – пояснил я, – короли во имя стабильности и мира обязуются жить в мире и дружбе.

– Ого, – сказал третий из герцогов, Николас Пачклифф, представляющий самый древний род королевства Гландия и владеющий землями Джаннетерии и Марлонга, что, наверное, в королевстве что-то да значит, – это прекрасно. У нас мирное королевство.

– Есть кто вдруг нападет на кого-то, – сказал я, – из числа подписавших договор, остальные должны немедленно прийти на помощь. Совместными усилиями легко опрокинем любого противника.

Герцог Раймонд Гансмайер, владетельный сеньор земель Морании и Авгалии, более заглядывающий вперед, чем его спутники, сказал задумчиво:

– Когда содержание этого договора станет известным все соседям, то никто и не рискнет нападать... Поздравляю, Ваше Величество! Это прекрасный договор. Лишь бы он заработал. А то у меня все-таки сомнения...

– Спасибо, – ответил я и добавил небрежно: – А последний, совсем малозначащий пункт – это помощь других королей, если вдруг местные феодалы поднимут мятеж. Как вы понимаете, защитить другого короля – это вообще-то защитить и свою власть...

Они умолкли, некоторое время переглядывались, затем герцог Гансмайер произнес с неудовольствием:

– Ваше Величество, а не будет ли это вмешательством в дела другого королевства...

Я вытаращил глаза.

– Какого другого? Во-первых, союзного, во-вторых... только по официальной и законной просьбе верховного правителя! Мы не можем ввести войска по просьбе, скажем, канцлера или самого знатного из герцогов, это было бы незаконное вторжение, но если просит король... то все законно!.. Или у вас есть возражения?

По их лицам было видно, что возражения теперь есть, еще какие весомые, но именно такие, что вслух не скажешь, хотя менее весомыми от этого не становятся.

Король Бенджамин, который не хуже меня все видит и понимает, сказал голосом человека на троне:

– Ваше Величество, мы все рады, что вы сумели составить такой договор... и убедили ряд королей его подписать. Я же со своей стороны и по полной, как вы видите, поддержке моих лордов, с огромным удовлетворением... даже с чувством огромного удовлетворения поставлю и свою подпись!

Я поднялся, поклонился и сказал отрывисто:

– Дорогие друзья, вынужден вас покинуть. Время не терпит, а даже весьма поджимает. Дел много...

Альбрехт вышел вслед за мной, я видел, что поглядывает со странным выражением, но помалкивает.

– Граф, – спросил я с раздражением, – что вы там молча про меня хрюкнули?

– Да так, – ответил он мирно, – просто подумал, а что, мы в самом деле не можем ввести войска по просьбе канцлера или герцога?

Я ответил раздраженно:

– Какой дурак вам такое сказал?.. Конечно же, можем.

Он каркнул довольнo:

– Ага!.. Так и думал. А что, если никто даже из них не обратится за помощью?

– Так не бывает, – разъяснил я, – всегда найдется кто-то. Но даже если бы не нашлось, что невероятно в нашем многовекторном мире, вступили бы в действие законы всеобщей гуманности, приоритеты человеческих ценностей над нечеловеческими, мультикорректность и полирантность...

Он спросил упавшим голосом:

– А... что... это?

Я отмахнулся.

– Да вам какая разница? Я и сам не знаю. Это такая дымовая завеса из слов, что позволяет позволить себе демократические вольности. А если мы демократы, то бываем просто обязаны в удобных для нас случаях по долгу совести и чувства интернационализма...

Он спросил опасливо:

– А это что такое?

– Мы все от Адама и Евы, – напомнил я. – Не слышали? Но это правда, потому что так записано. Мы обязаны из сострадания к своим братьям, томящимся под гнетом жестокой диктатуры, ввести войска для помощи стонущему народу, лишенному всех прав, свобод, избирательного права и прочих привилегий как бы свободного человека! Мы ж за справедливость, или как?

Он удовлетворением кивнул.

– Я так и думал. Потому даже не стал спрашивать.

– Вы правильный вице-канцлер, – сказал я с удовлетворением.

– И вы правильный, – ответил он, – в каком-то смысле. Я имею в виду, король. Думаю, у Господа на вас есть некие смутные планы, если так спасает из ваших рискованных глупостей, переводя их в успешности.

У Сатаны тоже планы, мелькнула мысль, и тоже грандиозные. Чем выше поднимаешься, тем плотнее опекают. Неужели в самом деле иду по дороге, которую для меня начертал Сатана?

– С нами Бог, – ответил я чуть запоздало, – так кто же против нас?..

Он поинтересовался деловито:

– Для делегации устроить какое-нибудь празднество?

– Нет, – отрезал я, – но скажите, что очень и даже страстно хотели, они такие дорогие гости, такие дорогие!.. но в данное время армия выступает в поход для наведения конституции... нет, принуждения местных бунтовщиков к миру. Да, это лучше. И рамки полномочий пошире.

Он спросил деловито:

– Насколько шире?

Я поморщился.

– Ну что вы такой законник?.. Просто шире, намного шире. Разве мы не широкие натуры? Вплоть до исчезновения границ. До каких пределов дойдем, там и будут наши границы на языке дипломатии. Главное, перебить побольше мятежных лордов, а то после окончания военного времени будет труднее. Правда, можно ввести комендантский час...

– А что это?

– То же самое военное время, – пояснил я, – только дискретно. С полуночи и до утра.

– А-а-а, – сказал он понимающе, – очень хорошее время для арестов.

– Только комендантский тоже нельзя держать долго, – предупредил я. – Как демократы, мы должны перебить всех нужных в установленные временные рамки. Можно, кстати, и ненужных.

– Понимаю, – ответил он. – За это время нужно окончательно провести дозачистку, как вы поэтично говорите, неугодных элементов, чтобы оставшиеся ненужные... или нужные?.. а то я что-то запутался, жили в мире и благополучии.

– Мы должны вести себя, – предупредил я, – как истинные и убежденные демократы!

– Казнить только лордов?

– Можно заодно и нейтралов, – пояснил я с отвращением, – что это за люди без ясно выраженной гражданской позиции? В Элладу таких остракировали, а Эллада в отдельно взятых случаях может служить примером, если это не противоречит святой церкви.

– Ага, – сказал он, – простой люд ни в коем случае не трогать, да?.. Может быть, в отдельных случаях им можно даже разрешать грабить имения неугодных нам феодалов?

Я кивнул.

– Верно, граф. Тем самым они становятся соучастниками прес... гм, очищающего действия революционного процесса.

– ...и беззаветно преданными вам, – добавил он. – Я отмечу имения, грабеж которых не нанесет вашей казне ущерба.

– А потом эти имения можно раздать, – сказал я, – самым мелким из наших сторонников. Безбаннерные и разоренным будут рады до свинячьего писка.

– Ну да, – согласился он, – земля-то останется.

– Но пир все же организуйте, – велел я. – Ничто так не сближает мужчин, как бабы и совместная выпивка...

– Выпивка будет, – пообещал он, – а вот насчет баб надо подумать...

– Обойдетесь, – сказал я строго. – Бабы потом! Король Ксеркс велел перед началом похода убивать всех женщин в лагере, чтоб о них даже не думали.

– Все правильно, – сказал он со вздохом, – с глаз долой... Значит, бабы отпадают... гм... а как потом?

– Когда установим справедливую и законную власть, – отрезал я, – и посадим на трон самого достойного, мудрого, справедливого, честного...

Он прервал:

– Ваше Величество, можете не продолжать! Я уже понял, кого посадим. Понятно, тогда и бабы, да?

– Вам будет не до баб, – пообещал я зловещим голосом.

– В-в-ваши в-в-в-Величество?

– А из вице-канцлеров, – сказал я, сверля его взглядом, – в полноценные не желаете?.. Мало ли что, а придется!.. И не надо это вот ручками. Комель несущая, а вам только вершинку поддерживать. Одним пальчиком можно, не утрудитесь.

Он проговорил несчастным голосом:

– Да, тогда точно будет не до баб... И вообще...

– Что «вообще»? – спросил я с подозрением. – Без всяких там «вообще»! Родина сказала «надо», отвечать «слушаюсь» и бросаться со всех ног исполнять. У вас ног, знаете, сколько вырастет? Сороконожка позавидует. Уж не думаете, что в новом укрупненном королевстве все останется по-прежнему?

Он посмотрел исподлбья.

– Всем раздадут пряники, а мне гирю на шею?

– Вам тоже будет пряник, – пообещал я, – какой-нибудь поменьше. Может быть, чуточку обгрызенный... но разве я не принимаю со всех сторон обкусанный Варт Генц?

– Сравнили, – сказал он сердито, – пирог и пряник!.. Да и не Варт Генц, а уже и не знаю что... А можно мне герб сменить? А то все больше кажется, что у предков недоставало чувства вкуса...

– Нельзя, – ответил я с сожалением. – Власть короля так далеко не простирается. Это дело Королевской Коллегии и Церемониальной Гильдии. Я могу предложить какие-то пустячки вроде титула герцога или князя.

Он подумал, сказал с сомнением:

– Князя вроде бы лучше.

– Чем?

– Вы же князем не были? – спросил он. – А я побуду. А потом вас буду тыкать своим титулом.

– Не только побудете, – уточнил я сварливо, – но и останетесь. Такие указы обратной силы не имеют. Я могу снять с вас голову, но не титул.

Он подумал, почесал в затылке.

– А может быть... лучше потерять титул?

– Титул не теряем, – отрубил я. – А голова... что голова? Честь дороже!

Он вздохнул, согласился.

– Вообще-то да. Честь – это все. Нет чести – нет человека, а только какой-нибудь...

– Демократ? – подсказал я.

– Простолюдин, – закончил он. – Хотя, слышал, иногда и у простолюдинов бывает честь, долг, верность, отвага, храбрость, дурость... гм... в общем, я все понял.

Я посмотрел на него с подозрением.

– Так я ж ничего и не сказал!

– А я все равно понял, – заверил он. – На то я и будущий канцлер, чтобы все понимать и принимать на себя, а вы вроде только мимо проходили и ни в чем не виноваты, весь в таких длинных белых перьях... с крапинками.

– Какими такими крапинками?

– Золотыми, – заверил он, честно глядя мне в глаза. – Золотыми, для вящего величия!

Глава 5

Перед мной темный зал пугающих размеров, здесь живут великаны, а я совсем крохотный и ничтожный, страшно пройти через такой, мне бы под стеночкой, как чучундра. Везде мрак и тяжесть, повисшая в воздухе, больше похожем на воду, я иду сквозь него медленно, почти продавливаясь, а там вдали под стеной черный с золотом трон на помосте, отвратительный настолько, словно весь из человеческих костей и черепов. Но я не могу не идти к нему, меня несет некая мощная сила, над которой я не властен...

От трона исходит такая отвратительная мощь, что я начинаю чувствовать некое странное, извращенное наслаждение. И по мере того как трон становится ближе и ближе, уже различаю единственное цветное пятно в этом мрачном темном мире: кричаще пурпурная подушечка на сиденье, простеганная по краям золотыми нитями, и с крупной золотой бахромой по краям.

На подушке настолько черная корона в виде обода, что от нее во все стороны распространяется тьма. Сама корона с редкими зубчиками по всему ободу и одним-единственным драгоценным камнем, что должен располагаться на лбу.

Чей-то незримый голос говорит настойчиво, что я не должен прикасаться к этой короне, но тело мое поднялось по ступенькам, а непослушные руки потянулись к короне...

Из темноты справа и слева появились темные фигуры в темных плащах до полу, в руках черные свечи, выстроились в два ряда перед троном, а некто огромный, как сам зал, начал читать молитву, как я понял, задом наперед, словно я в зеркальном мире...

Я вздрогнул так сильно, что больно ударился коленом о стену, сердце бешено колотится, а в голове еще звучит, медленно затихая, эта молитва чернокнижников.

Бобик поднял голову, взгляд очень внимательный, глаза из коричневых стали пурпурными, словно чувствует опасного врага, даже клыки чуточку показал.

– Спи-спи, – произнес я дрожащим голосом. – Мало ли что мне пригрезилось...

Он опустил голову на лапы и тут же начал посапывать, верит, что я на страже, спасу его, надежного друга, если кто нападет...

Спасу, подумал я мрачно. Меня бы кто спас.

Остаток ночи не сомкнул глаз, со страхом вспоминая корону Повелителя Двух Миров, как ее называла Темная фея. Что-то все чаще этот символ власти посылает свой зов, словно получает силы от приближающегося Маркуса.

Утром я собрал полководцев на брифинг, развернул карту на столе и провел пальцем по извилистой линии на карте.

– Я иду с армией через Турнедо в Фоссано, – сказал я. – Другим краем Турнедо на юго-востоке соприкасается с Мезиной... Надеюсь, к тому времени ребята Норберта соберут всю нужную информацию, и мы будем знать, как там все на самом деле.

Меганвэйл следит очень внимательно, у него такая же, над которой он в свободное время высчитывает расстояния между переходами, сколько где взять фуража и как провести войска с наименьшими потерями.

– Ваше Величество, – проговорил он в сомнениях, – я бы посоветовал взять армию побольше. Не ровен час...

– Я уже сделал так, – огрызнулся я, – когда ушел из Сен-Мари. Сразу же началось. Вы знаете, что началось.

Граф Арнубернуз сказал почтительно:

– Не сразу, Ваше Величество.

– Но все же началось, – буркнул я. – Нет уж, нет уж! Лучше пусть и после моего ухода местные феодалы чувствуют мою железную хватку на их нежных горлянках. А я уже там, если столкнусь с серьезным сопротивлением, попрошу подмоги.

Он взглянул с вопросом в глазах, но промолчал. Подмога придет не скоро, прочел я в его глазах, Маркус вдруг да появится раньше, так что надо все рассчитывать точно и лишних шагов не делать.

– Какие части берете с собой? – гулко спросил барон Хельмут.

Меганвэйл ответил строго:

– Его Величество передали мне подробнейший список.

– А когда, – спросил Хельмут нервно, – огласите?

– Барон, – произнес Меганвэйл еще строже, – перестаньте трястись, вы включены. И возможно, увидите южный океан.

Хельмут вздохнул с таким облегчением, что крыша шатра приподнялась и затрепетала.

Я сказал властно:

– Все подробности у герцога Меганвэйла. Он знает всю стратегию движения армии вплоть до Большого Хребта. А я спешу нагнать передовые части сэра Норберта, что наверняка уже прошли половину Турнедо...

Они вышли проводить меня, а когда я поднялся в седло, громко и пафосно выражали сожаление, что я снова один, а надо бы со свитой...

Я скинул руку в прощании, арбогастр красиво поднялся на задние ноги и грозно помесил копытами воздух под довольные крики лордов, все как один лошадики, как, впрочем, охотники и знатоки оружия.

Бобик, наконец-то дождавшись таких черепаш, черной стрелой метнулся в сторону юга, арбогастр отстал от него на долю секунды, но Адский Пес за это время оказался за сотню ярдов.

Ветер заревел в ушах, я пригнулся и вспомнил о Зеркале Горных Эльфов, в свободные минуты я не раз доставал, сосредотачивался и пытался расширить кругозор, выискивая какую-то информацию.

Жаль, что нельзя сосредотачиваться на человеке, чтобы увидеть, где он и что делает, это дало бы неизмеримо больше, а так я усиленно представлял, к примеру, тронный зал в Геннегау, однако тот большей частью оставался пустым, а когда я вызывал в воображении остальные залы один за другим, видел прогуливающихся придворных, но не слышал разговоры.

На это уходили долгие и драгоценнейшие часы, что складывались в потерянные сутки, и в конце концов я сердито совал зеркало обратно в сумку и клялся использовать только для перемещений.

Но с перемещениями свои проблемы...

Я специально начал забирать чуть в сторону. Здесь у меня на карте обширное Зачарованное Место, куда никто не суется. На самом деле там лишь небольшое место, где происходят странности, да и то лишь с точки зрения простого и очень простого человека, но так как земли везде вдоволь, то тут на десятки миль вокруг не ступала нога человека.

Давно не ступала, поправил я себя. К тому же я вроде бы человек, а я ступал тут, еще как ступал. Вместе с конем и Бобиком.

Бобик вроде бы понял, что я ишу, отбегает вперед не слишком, принохивается, уши торчком, вид азартный.

Я не думал, что именно он учует, не его, бобиковского, ума дело, однако он весело и несколько озадаченно гавкнул еще издали, оглянулся с вопросом в чистых детских глазах.

– Что, – сказал я саркастически, – опять барсука учуял?

Арбогастр, не дожидаясь команды, пошел в его сторону галопом, а я, едва оказался рядом с Бобиком, ощутил, как воздух впереди начал мелко-мелко подрагивать, словно каменистая земля успела накалиться, и восходящие потоки стали видны невооруженным глазом. Я одновременно и приободрился, и от волнения во рту пересохло, а сердце стало бухать часто и тревожно.

Бобик то и дело оглядывался на меня с видом крайнего ожидания и нетерпения.

– Ребята, – сказал я, – вам придется подождать. Я туда и обратно! Клянусь. А вы тут пока отдохните от меня. Бобик, научи конячку ловить кабанов, а ты, Зайчик, обучи его траву есть, это полезно. Ну и старые подковы, если железа в крови не хватает...

Они посмотрели на меня в изумлении, чувство юмора есть только у людей, даже у женщин встречается, хотя редко и какое-то непонятное, а вот все звери – существа честные и бесхитростные, за что на них никогда не бывает греха.

Я покинул седло и шагнул к призрачной стене, которую и не увидеть, если не присматриваться. Когда вдвинулся в нее, ощутил сильнейший холод, может быть, обеззараживание, что тут же исчезло, а я пошел внутри этого странного здания.

Несмотря на то что с Эркхартой установлен контакт, все же я старался держаться с самым хозяйским видом, словно жил здесь и руководил всем-всем, а то вдруг ни с того ни с сего вдруг решит, что зачем-то обманываю, дура.

Знакомые рельсы, пошел по ним, а потом вспомнил, как долго тянутся, пожалел, что не на Зайчике, но останавливаться поздно, прибавил шаг, даже побежал трусцой, пока впереди не выросла стена, на этот раз вовсе не призрачная, а вполне реальная, с полностью зеркальной поверхностью... вот только рельсы уходят прямо в нее.

В двойника всматриваться не стал, хотя, конечно, на такого красавца стоит поглядеть, особенно вот в этой гордой позе... или вот в этой, исполненной внутреннего достоинства, как, впрочем, и наружного...

Задержав дыхание, ломанулся в эту зеркальность.

И стена, больно ударив в лоб, отшвырнула с таким презрением, что я почти услышал ее фыркание. Я невольно потрогал ушибленное место, повернул на пальце кольцо Хиксаны Дейт и снова шагнул к стене, уже невольно приготовившись к удару о твердое.

Стене насрать на мои чуйства, она ощутила приказ кольца и послушно подалась перед моим лосиным натиском. Я задержал дыхание, готовый проламываться долго, как через крепостные стены из гранита, однако сразу же перед глазами взорвался фейерверк, и я обнаружил себя внутри огромнейшего ангара, таким можно накрыть целый город, если не королевство.

Я перевел дыхание и заговорил громко и как можно бодрее, как и положено человеку военному, который постоянно ясен:

– Эркхарта!.. Это я, золотце, твой хозяин и даже повелитель. Не спишь?

В ответ раздался милый щебечущий голос:

– Я никогда не сплю.

– Прекрасно, – ответил я с облегчением. – Слушай, у тебя вроде голос изменился?

– Это ты велел, – сообщила Эркхарта.

– Да? – изумился я. – Что за дурак... Это я о чем-то высоком, даже весьма высоком, задумался, я часто о нем думаю, когда возвышаюсь над миром, вот и брякнул. Верни обратно, а то все кажется, будто дура какая...

Через мгновение прозвучал сильный голос уверенной в себе женщины:

– Восстановлены прежние параметры.

– Прекрасно, – сказал я совсем бодрым голосом, Эркхарта выполняет указания, живем, – а то когда такой милый голосок, то и говоришь о милом, а сейчас как бы не очень, когда Маркус приближается...

Эркхарта не проронила ни слова, я вспомнил, что это больше машина, чем человек, чаще всего не реагирует, если нет прямого вопроса, поинтересовался:

– Ты же знаешь, что такое Маркус?

– Нет, – прозвучал ее голос.

Я изумился.

– Как?.. Это же нечто из космоса! Ты должна знать!

– Почему? – ответила она. – Меня космос никогда не интересовал. Моим заданием было перевозить руду. По одному и тому же строго выверенному маршруту.

– Маркус, – сказал я, – это такая погибель из глубин космоса... или не космоса, а из других измерений, пространств... не знаю. Но здесь все будет уничтожено. Ты такое уже видела?

Голос прозвучал ровный и бесстрастный:

– Трижды. Катаклизм, что ломает земную кору. Его вызывает Маркус?

– Да, – ответил я. – Бороться с ним ты не сможешь, простой транспортник, оружия на борту нет. Или я просто плохо искал? И вообще... не представляешь, уже вижу. Тогда посмотри вот на это.

Я отыскал взглядом ровный стол, хотя это вряд ли стол, но поверхность идеально чистая и гладкая, снял и с плеча седельную сумку, которую всегда таскает Зайчик. В одном отделении мирно хранятся зерна, которых так страшится Гугол.

Высыпав их на поверхность, я сказал с отчаянной надеждой:

– Посмотри внимательнее. Ты должна знать... хотя бы некоторые.

– Да, – прозвучал голос, и впервые я уловил в синтезированном голосе оттенок человеческого чувства, глубокой печали, – я знаю, что это...

– Какие из них?

– Все, – ответил голос, – но это все для другого мира... и других людей. Это все бесполезно.

– Кое-что может работать и сейчас, – прервал я. – Есть среди них оружие?

Голос ответил уже ровно и бесстрастно:

– Нет.

Я молча ругнулся в бессилии, только что вертелась соблазнительная мысль, что шархну по этому чудовищу из космоса еще на подлете, так что сгорит в верхних слоях атмосферы. В крайнем случае посыплются обломки, но это уже не катастрофа, а разве что родится еще одна легенда о Фазтоне.

– Тогда все пропало, – сказал я упавшим голосом. – Ладно, что делать... Извини, что разбудил... Ах да, ты же не спишь... А можешь сказать, какое зерно что создаст?

– Могу, – ответил голос из пространства, – но ты не поймешь.

– Ладно, – сказал я, сдаваясь, – ты права. Но что-то вдруг пойму? Хотя бы в слабом приближении?.. Нет-нет, рисковать и активировать не стану. Это у меня просто страсть к познанию, как у Гегеля.

Голос помолчал, но мне показалось, что незримый луч прошелся над кристаллическими зародышами, высвечивая их и сравнивая их параметры с теми, что хранятся в памяти скайбаггера.

– Все целы, – прозвучал голос минуту спустя, – все могут быть активированы. Все пока абсолютно бесполезны...

Я услышал нечто в голосе, спросил поспешно:

– Все или почти все?

– Все, – ответил голос и окончательно похоронил мои надежды, – даже скардер, которому теперь некому подавать сигналы.

Я встрепенулся.

– Какой скардер? Что он делал?

– Указывал место посадки, – сообщил голос.

– Давай подробнее, – потребовал я. – Это что-то типа маяка?

– Я не знаю, что такое маяк.

– Ладно-ладно, ты только не волнуйся. Зайдем с другого конца...

– Какого?

– Другого, – пояснил я. – Этот скардер указывал таким же транспортникам, как ты? Или всяким?

– И транспортникам тоже.

– Ага, – сказал я с облегчением. – А пассажирским лайнерам? Ну, где людей перевозили?

– Люди обычно перевозились сами, – ответил голос. – Но я поняла, да, и людей тоже.

Я спросил с замиранием сердца:

– А военным?

Голос ответил бесстрастно:

– Военным? Что это?

– Не важно, – сказал я быстро, – ты только не волнуйся. В общем, указывал всем-всем?..

И ему подчинялись?

Я даже дышать перестал, ожидая ответ, Эркхарта ответила ровным голосом, но я ухитрился в нем услышать то ли удивление моими умственными способностями, то ли презрение к их уровню:

– Конечно. Все получали... силу.

– Топливо?

– Да, – ответил ее голос, – топливо. По лучу. Но только надо опустить звездолет совсем близко.

– Понятно, – прервал я радостным голосом, что это мне понятно, – чтобы уменьшить потери при беспроводной передаче на большие расстояния! Верно? Вот видишь, и я могу тебя чему-то научить. Эркхарта, ты просто чудо, а не транспортник!.. Уверяю тебя, скоро-скоро мы все восстановим и ты снова начнешь возить руду с дальних планет и астероидов... Ну, по шкале вечности совсем скоро...

В ответ молчание, что и понятно, на риторические вопли Эркхарта не реагирует, но мне это неважно, сердце в диком ликовании стучит так, что раскачивает меня в стороны.

– Эркхарта, – сказал я, – все упирается в этот Маркус. Если получится как-то от него защититься... я имею в виду, не дать ему позволить разрушить все на поверхности земли...

Она промолчала, на недосказанные фразы не реагирует вовсе, я договорил, тщательно подбирая фразы:

– То потом, после такой победы, можно и отдохнуть. Не так ли?

Она ответила нейтрально:

– Не знаю. Я в отдыхе не нуждаюсь.

– Восхитительно, – сказал я. – Но имею в виду, что после победы можно ненадолго оставить дела там на земле и пошарить здесь у тебя.

Я затаил дыхание, пока что меня не пропускают дальше прихожей, довольно нагло говорить о таком, однако голос Эркхарты произнес ровно и без всяких эмоций:

– Если остановишь Маркус...

Она словно бы запнулась, перебирая варианты и листая старые инструкции, а то и вовсе за их неимением стараясь определиться с тем статусом, который будет у меня после такого деяния.

– То что? – спросил я, не утерпев.

После паузы голос ответил так же ровно:

– Ты подтвердишь свой допуск... и тебе будут открыты все помещения. В том числе и к механизмам управления.

Я подпрыгнул, вскинул кулак в зверином жесте, надо Эркхарте объяснить, что это символ программирования вселенной, потому да, легитимно, сказал пылко:

– Не прощаюсь!.. Скоро увидимся.

– До свидания, – ответила она так же ровно, – человек Ричард.

Глава 6

Я огляделся по сторонам, Бобик тут же вскочил и тоже осмотрелся с готовностью: куда бежать, кого ловить, потом повернул голову в мою сторону, в честных чистых глазах я прочел неясный мне укор.

– Барон, – поинтересовался я, – а почему вы здесь? Если столица Бурнандии прямо на востоке, а замок вашего отца на юге...

Он посмотрел на меня с недоумением.

– Сэр, – произнес он, – если вы в состоянии переправиться через реку в четверть мили шириной и глубокую настолько, что дна там нет вовсе...

– Понятно, – прервал я. – А мост далеко?

– Моста нет вообще, – ответил он. – По крайней мере в нашем королевстве. Переправляются на лодках.

– Учту, – пообещал я, но, похоже, произнес достаточно легкомысленно, он насторожился и внимательно посмотрел на арбогастра, словно прикидывал, а вдруг черный конь в самом деле переправится вплавь и перенесет седока.

– Сэр, – сказал он уже тише, – теперь вы знаете, почему я так спешу попасть в замок моих родителей.

– Увы, – сказал я с сочувствием. – Знаю.

– Сэр, вы смотрите благородным человеком, хотя и есть некоторые странности, но мы в пути, нам не до соблюдения...

– Согласен, – сказал я.

– Сэр, как благородный человек, вы просто обязаны помочь мне!

– Как? – спросил я в раздражении.

Он сказал нерешительно:

– Вы с таким конем не расстанетесь, теперь вижу. Но он мог бы донести нас двоих, хотя это для меня и потеря лица... А в замке моего отца вас примут, как самого дорогого гостя. Солнце уже заходит, вам все равно где-то придется заночевать.

Я посмотрел на распухшее красное солнце, что уже втрое больше своих обычных размеров, облака начали поджариваться, как свежее мясо на углях, оглянулся на Бобика.

– Все слышал?.. Быстро отыщи его коня!

Он проследил взглядом, как я указал пальцем на барона, подошел и обнюхал, тот задержал дыхание и приподнялся на цыпочки. Бобик посмотрел еще раз на меня, проверяя, так ли понял, затем на его месте словно взметнулся вихрь, взлетели комья земли из-под мощных лап, через мгновение здесь и вдали было пусто, только несколько секунд еще слышался треск кустарника, потом в тишине засверчали осмелевшие кузнечики.

Барон перевел дыхание, оглянулся на меня.

– Но коня увели вон туда...

– Собачка сокращает дорогу, – успокоил я. – Она у меня немножко ленивая.

Он повернулся в ту сторону, куда умчались двое уцелевших нападавших, горестно вздыхал и переступал с ноги на ногу.

Ждать пришлось недолго, донесся частый стук копыт, из-за деревьев выметнулся Бобик, волочащий крупного рыжего коня за длинный повод. Коня трясет от ужаса, глаза ополоумевшие, но подчиняется, огромный пес ужасен, в глазах огонь, а пасть в крови.

Барон, ликуя, вскрикнув, бросился к коню и уже без страха перехватил у Бобика обслуживленный повод.

– Господи, благодарю тебя!.. И тебя, благородная собачка!.. Сэр, у нее лицо в крови...

Я буркнул:

– Наверное, те двое не хотели отдавать коня. Он сам ни за что бы не напал. Говорите, оба все равно были ранены? Тогда их не жалко.

– Да, – ответил он с ликованием. – Никто не избег справедливой кары! Сам Господь направил руку... э-э... зубы этой божьей собачки!

Он сам трясся, как и его конь, торопливо взобрался в седло, разобрал повод.

– Сэр, – обратился ко мне трепещущим от счастья голосом, – поспешим, пока не застала ночь! Лес здесь больно нехороший. И не только из-за разбойников.

– Ладно, – сказал я. – Надеюсь, на вас не нападут еще раз по дороге. Это были люди короля?

Он отмахнулся.

– Вряд ли. Король достаточно благороден.

– Тогда?

– Либо разбойники, – ответил он, – либо те, кто на стороне короля. Отребья в его рядах немало!

Произнес так гордо, что понятно, в их рядах только высокородные лорды с длинными родословными, дружины у них тоже только испытанные и верные воины, преданные сюзеренам и долгу чести.

Бобик, угадав направление, помчался впереди, барон за ним, а я, соразмеряя с его конем скорость арбогастра, двинулся следом, то и дело поглядывая по сторонам, вдруг да будет еще попытка не дать юному барону попасть в родной замок.

Замок вдаль мелькнул на мгновение, но тут же скрылся за высокими деревьями, а когда наконец обогнули дубовый бор, впереди раскинулась зеленая долина с распаханными полями и аккуратными домиками.

По ту сторону дороги несколько человек в крестьянской одежде устанавливают столбы с реющими на них знаменами с гербами.

Барон крикнул издали:

– Что стряслось?

Рабочие оглянулись, сорвали с голов шапки и низко поклонились. Старший ответил:

– Лорд Чедвик промчался здесь с отрядом, повалил наши межевые знаки и заявил, что эти земли теперь его...

Второй сказал услужливо:

– Но старый лорд, ваш отец, сказал, что король пока ничего не решил...

Джилберт стиснул челюсти, на бледном лице ввалившиеся глаза выглядят трагически подведенными углем, щеки запали, словно после долгого поста.

– Сволочь, – прошипел он люто. – Но уже не достать эту сволочь...

Я сказал с сочувствием:

– Этого вы не учли, барон?

Он зло зыркнул в мою сторону, соскочил на землю.

– Джон, это твой конь там пасется?

– Мой, ваша милость.

– Поймай, – распорядился он, – и приведи мне.

Рабочий бегом ринулся к стреноженному коню, а я повернулся к юному барону.

– Дорогой друг, видимо, мне пора вас покинуть. Теперь вы в безопасности.

Он сказал быстро:

– Сэр, взгляните на солнце!

Я оглянулся, огромное багровое солнце, опускаясь по твердому небосводу, почти коснулось быстро темнеющей земли. Редкие тучи страшно подсвечены пурпуром, еще больше

выглядят огромной тушей небесного левиафана, разделанного ангелами и поджариваемого на углях.

– Красиво, – согласился я.

Он взглянул в удивлении.

– Сэр, вы в любом случае не успеете! Даже если ваш конь сумеет переплыть реку. А ночью вас все равно никто не примет. Но вам будут рады в замке моего отца!

– Благодарю, – пробормотал я, – но...

– А утром отправитесь в путь, – сказал он. – И прибудете, как я догадываюсь, еще солнце не достигнет зенита.

Я покачал головой.

– Вы не переоцениваете моего коня?

– Если этот тот самый, – ответил он, – о ком я слышал... то могу лишь недооценивать.

Работник подвел ему коня, неказистого, но с хитрой мордой и, как мне показалось, достаточно шустрого.

– Хорошо, – ответил я с сомнением. – Уговорили, барон.

Он шлепнул своего коня по крупу.

– Позаботься о нем. Он нес меня двое суток!..

Бобик снова ринулся вперед, с такой лихостью срезая углы, что трещат не только кусты, но и деревца. Арбогастр ревниво поглядывает, однако идет рядом с конем барона, а тот все старается вырваться вперед, желая показать себя самым быстрым и сильным.

Замок вырастает, приближается, старинной постройки, весь приземистый, добротный, с толстыми стенами, массивными башнями и узкими бойницами, вдоль стен характерные зубчики для стрельбы из арбалетов, место вокруг расчищено и утоптанно, но это потому, что расположен прямо в долине, вблизи нет подходящего холма, а строить в другом месте почему-то не восхотели...

Ворота перед нами распахнули до того, как барон приготовился протрубить в рог, стража не дремлет, бросились навстречу, схватили коней под уздцы.

– Ваша милость?

На меня смотрели с удивлением и опаской, от Бобика шарахались, хотя он, как уже приучен, сел на задницу и только вертит головой, ожидая, пока с ним малость свыкнутся.

Из донжона выскакивают слуги, челядь, стража, наконец показались и хозяева, как понимаю: немолодой уже лорд, голова наполовину седая, прихрамывающий, с ним женщина и две молодые девушки...

Женщины со слезами и плачем сбегали по ступенькам и бросились к барону, только старый лорд остался недвижим, медленно покачивал головой, смотрел то на сына, то на меня.

Джилберт пошел к нему, продолжая обнимать мать и сестру, а старый лорд бросил на меня пристальный взгляд и проговорил, запинаясь:

– Сын мой... кого ты привел?

Барон невесело улыбнулся.

– Отец, тебе этот рыцарь тоже показался знакомым?

Я наконец покинул седло, Бобик поглядывает на меня в нетерпении, когда же можно будет бежать искать кухню, а я учтиво поклонился хозяину.

– Лорд Хрутер, ваш сын много рассказывал о вас, вашей доблести и благородстве.

Тот чуть наклонил голову.

– Спасибо, ваша светлость. Вы... принц Ричард?.. Мезина рядом с нашим королевством, так-то все важные новости рано или поздно к нам доползают. И здесь уже наслышаны, что королева Ротильда вышла замуж... простите, изволила взять в мужья принца Ричарда, у которого огромный черный конь с белой отметиной на лбу и чудовищно огромный страшный пес.

Я ответил мирно:

– Да, все верно. Я ее, так сказать, муж.

Он указал в сторону входа.

– Прошу вас, ваша светлость. Хоть и в тяжелое время, но вы гость...

– Не обращайтесь внимания, – прервал я. – Как воин, я давно не смотрю на удобства. Седло под голову и сплю у костра, а напиться могу прямо из ручья.

Ко мне бочком подошел, судя по цепи на груди с большой звездой, управитель, проговорил опасливо:

– Ваше высочество, позвольте мне вас устроить... Пусть старый лорд пообщается с сыном...

– Пусть, – согласился я. – А ехать в ночь не стоит, барон Джильберт прав.

– Ваше высочество, угодно ли вам проследовать за мной?

– Угодно, – ответил я. – А куда?

– В замок, – ответил он, не моргнув глазом. – В ваши покои.

За холлом распахнулся зал в светло-оранжевом цвете, даже массивные колонны, поддерживающие свод, возведены из оранжевого камня, а еще покрыты затейливым орнаментом золотых листьев.

Пол выложен узором из вытянутых ромбов, камни тоже оранжевые, темные и светлые, и в дальней стене высокое витражное окно, где цветные стекла вместе с привычными золотыми и голубыми цветами пустили к себе и яркую изумрудную зелень.

Колонны сделаны настолько изящно, что забываешь про их утилитарную функцию поддержки тяжелого свода. Я поймал себя на том, что откровенно любуюсь изяществом линий и умело расположенным орнаментом, что как бы не совсем из этой эпохи, потому-то, наверное, и любуюсь, а так, вообще-то, из меня любователь красотами неважный...

– Весьма, – одобрил я работу древних строителей. – Весьма зело!.. Как бы да.

Управитель засиял так, словно все только сегодня утром сложил своими руками, а я первый, кто заметил и похвалил.

– Это еще что, – сказал он торопливым шепотом, – а под замком вообще остались ходы еще от первых альвов! Представляете? Жаль только, по ним не побродишь...

– Опасно?

Он покачал головой.

– На четвереньках далеко не уйдешь. Альфы, что населяли эти земли до прихода людей, нам по пояс. У них зрелость в три года, седая борода в пять...

– Да, – согласился я, – а расширять ходы какой смысл? Если нет уверенности, что дальше великие клады?

– Точно, – подтвердил он. – Хотя сперва все же поработали, там есть мили под землей, где в полный рост. Но дальше только те жуткие норы... Нет уж, лучше тропами великанов...

Я спросил заинтересованно:

– А они какие?

– Великаны, – сказал он словоохотливо, – жили еще до карликов. Те шагали по горам, переступая с вершины на вершину. До сих пор находят их следы.

– Ну да, – сказал я, – проще.

Он ухмыльнулся.

– Так говорится. Дескать, зато небо близко... Вот ваши покои, ваша светлость!

Он сам распахнул передо мной обе половинки двери, словно я африканский слон, что, как известно, крупнее индийских, забежал вперед и начал показывать, где стол, где кровать, будто я щас лягу на стол, а на кровати буду обедать. Или если я консорт, то от меня можно ожидать и такое?

– Весьма, – обронил я небрежно. – Весьма. Я как бы да. Зело и не зипунно, а как бы бразды пушистые взрывая...

Он сказал быстро:

– Отдыхайте, приводите себя в порядок! Старый лорд сейчас, как вы понимаете, всецело с сыном, там трагедия... Но как только, так сразу!

– Зело, – сказал я, – пока в самом деле полежу до ужина. Альвы не явятся?

Он дробно засмеялся мелким бесом консортной шутке.

– Про альвов тысячи лет не слышали! Да и нет их вовсе.

– Весьма, – сказал я. – Одобряю.

Он пошел к двери, там обернулся.

– Разве что графиня Карелла Вопрошающая заявится...

– Это кто? – поинтересовался я и показал руками в воздухе нечто подобное восьмерке. – Такая?

– Даже не знаю, – ответил он и посмотрел на меня нехорошими глазами, – она сейчас все еще покоится в подземном склепе. Была могущественной ведьмой в те времена, когда здесь ни замков, ни городов... Говорят, пережила не одну Войну Магов, и даже не один прилет Маркуса.

– Ого, – сказал я с уважением. – Наверное, много знает.

Он вздохнул.

– Да, наверное. Но беда в том, что с каждым воскрешением становится все сильнее и опаснее.

– С каждым... э-э... воскрешением?

– Она умирает, – пояснил он, – каждые тысячу лет... как говорят. Лежит в склепе нетленая, а потом просыпается и снова творит зло. В прошлый раз, как гласят летописи, сровняла целый город с землей, а половину жителей превратила в свиней. Другую, что характерно для нее, – в волков.

– Есть чувство юмора, – согласился я.

– А что ей еще делать, – сказал он, – как не развлекаться? Все, поди, наскучило? Ладно, отдыхайте, ваше высочество!

– Спасибо, – сказал я саркастически. – Если я консорт, то ко мне и ведьма придет?

Глава 7

Он ушел, я в самом деле лег, постель вполне себе, а мне тем более, я могу у костра с седлом под головой, хотя не пробовал и как-то не тянет к такой романтике... поворочался, сердце стучит громко и сильно, я же не устал, можно пойти взглянуть, как там устроен Зайчик и какие опустошения Бобик учинил на кухне...

В коридоре слуга шарахнулся в испуге, я сказал миролюбиво:

– Не бойся, пока бить не буду. Если меня спросят, скажи, погулять вышел.

Он торопливо закивал так усердно, что вся морда затряслась, как студень, оказываясь то на макушке, то под нижней челюстью.

– Как скажете, ваша светлость!

– Живи пока, – милостиво сказал я.

В сторону главных покоев пока не стоит, там предаются печали насчет барона Джильберта. Слишком горячий сын поставил не на ту лошадь. А вот множество служебных, где охранники, конюхи и прочие, могут представлять интерес как источник неофициальной информации о жизни в королевстве Бурнанды...

Бобик отыскался, сытый и довольный и тем, что перепугал простой народ и что в конце концов заставил их чесать его за ушами и гладить. Дальше потащился за мной, позевывая и уговаривая найти коврик помягче и завалиться спать, а если нет коврика, то можно и на голом полу, какая для нас, мужчин, разница?

Через полчаса вроде бы хаотичных, но все же целенаправленных блужданий я узнал, что этому замку, как рассказывают старики с гордостью, уже тысячу лет, а он стоит на руинах крепости, которой не меньше трех тысяч, что вообще кажется немыслимым, стоит попытаться вообразить такую даль. И вроде бы из подвалов ведут туннели в подземелья, через которые люди поднялись из еще более глубоких пещер, где прятались при появлении Маркуса в прошлый раз.

Так что да, я еще раз убедился, что на поверхности нет строений, которым больше пяти тысяч лет, даже фундаменты редко где уцелели, но можно встретить артефакты намного более древних времен, которые удалось отыскать в самых глубоких пещерах, куда их занесли беглецы.

Про положение в королевстве что могут знать слуги, я могу только делать выводы на косвенных сведениях, зато узнал, что в тавернах часто пересказывают свистящим шепотом про таинственные клады в пещерах нижнего уровня, куда не достигают катаклизмы. Там золото, драгоценности, а также, что куда важнее, амулеты и талисманы, которые в состоянии сами творить золото, а также дать нашедшему нечеловеческую силу, мудрость и долголетие.

Конечно, может быть, это в этом замке так хорошо и спокойно, однако же, похоже, местный король все же держит власть крепко и правит по большей мере мудро. Что-то я не слышал насчет вторжения армии бурнандийцев к соседям или об их требованиях выплатить дань, а то и уступить какие-то земли.

Королевство, за которым не гремит слава яростных воителей, самое удобное для жизни и медленного взползания по тропке прогресса.

Бобику надоело меня уговаривать уйти наверх, тащился сзади такой жалобный, что я остановился и сказал строго:

– Я тебя люблю, лось ты мой, но не позволю помыкать мною!.. Так что иди в те покои сам, ляг и спи. Я приду. Понял?.. Иди-иди, не смотри такими глазами!

Он вздохнул и потащился прочь такой жалобный, что я едва не позвал обратно, но убедил себя в том, что как только он скроется за углом, тут же помчится вприпрыжку.

Задумавшись, я все спускался, открывал какие-то заплетенные толстой паутиной двери, пока не обнаружил, что в благородной задумчивости великого государственного деятеля спустился именно к дверям склепа. Возможно, как раз того самого, которым меня пугал управитель.

Дверь отворилась с таким зловещим скрипом, что у меня не просто мурашки побежали, а кровь застыла в жилах. На пол пали холодные синие тени от недоброй луны, заглядывающей в окна, хотя что-то не понял, какая луна, какое окно, я же в глубоком подвале...

Настоящий зал, пусть не громадный, но все-таки зал со всеми атрибутами колонн, ниш в стенах, каменными изваяниями святых, арочными дверьми, точнее – имитацией, там везде темный камень, в самом центре каменный постамент, с барельефами на двух обращенных ко мне стенках, и таким же каменным гробом наверху.

Каменные статуи с каменными же капюшонами, некоторые надвинуты так низко, что вижу только губы, а то и вовсе подбородки, а у некоторых я рассмотрел, чуть пригнувшись и заглядывая снизу, мертвые слепые глаза.

Я все же сделал шарик света, однако он тут же погас, холод все сильнее начал заползать под кожу. Низкие своды и толстые колонны, что должны удерживать не просто свод, а чуть ли не весь замок; пусто и мертво в просторном помещении, а к центру, где гроб, я некоторое время просто не решался приблизиться, пока не обругал себя трусом, и тогда нарочито уверенными шагами на подрагивающих ногах приблизился к постаменту.

Крышка гроба на уровне моей груди, дыхание застыло в моей груди, потому что крышка либо настолько прозрачная, либо ее вовсе нет...

Женщина выглядит молодо, хотя в то же время видно, что не молода, на вид ей чуть ли не восемнадцать, только уверенность черт, властность и сила в лице подсказывают, что намного старше...

Очень красивая, зловеще красивая, хищно и опасно, однако мертвее мертвой, это же очевидно, словно высечена из белого мрамора.

Я осторожно начал опускать руку к ее лицу и с великим облегчением ощутил, что та уперлась в прозрачную преграду. Ура, все-таки крышка есть...

Везде пыль и запустение, а здесь то ли чьи-то руки постоянно смахивают пыль, то сама крышка сбрасывает грязь.

Я поводил пальцами по невидимой поверхности, ничего более гладкого не встречал. Неудивительно, что частичкам пыли не за что зацепиться.

Я наклонился к самой крышке гроба, почти касаясь губами прозрачной до незримости поверхности, и сказал негромко:

– Эй... Ты слишком красивая, чтобы оказаться злой ведьмой. Мне кажется, красота и злодейство несовместимы. Но все-таки, я ведь человек осторожный... если вдруг придумаю, как помочь освободиться, признаешь меня господином?

Не знаю, зачем и сказал такое, то ли нарочито, чтобы отогнать сгущающийся мрак, то ли глупая бравада, даже наедине с собой и то петушимся, а тут все же чувствую себя в присутствии женщины, а в их присутствии всегда стараемся казаться сильными и всемогущими.

Ее лицо оставалось мраморно неподвижным, я картинно вздохнул, дескать, сама не хочешь, а я предлагал, теперь оставайся лежать, дура, повернулся и нарочито медленно пошел к выходу. Мол, даю шанс окликнуть и умолять меня хоть что-нибудь да сделать...

Но дура почему-то оставалось мертвой, и я с чувством исполненного мужского долга, дескать, предлагал помощь, сама отказалась, поднялся по ступенькам в подвал выше, а затем уже из него появился в помещениях для прислуги, попетлял малость и вышел в одном из залов.

Почти сразу же навстречу ринулся управитель, еще издали вскричал плачущим голосом:

– Ваше Высочество!.. Как можно? Куда вы исчезли? Стол уже накрыт, все ждут только вас.

– Правда? – спросил я обрадованно. – Тогда пойдемте, пока там все не сожрали. Не очень люблю ложиться на пустой желудок. Правда, если пустой желудок у молодой девушки...

Он торопливо засеменял рядом, указывая дорогу, на ходу снял с моего рукава ниточку паутины.

– Господи!..

– Да, – ответил я вежливо, – слушаю вас.

– Вы что же, – проговорил он свистящим шепотом, – опускались в подвалы?

– У вас знатные винные склады, – сказал я с одобрением. – Ваше счастье, если король о них не знает.

Он перевел дыхание, но тут же посмотрел еще пытливее.

– А в склеп не заходили?

– В склеп? – спросил я удивленно. – Зачем мне склеп?.. Я человек жизнерадостный. И женщин люблю живых и теплых. Надеюсь, тут найдется молоденькая служаночка, что захочет согреть мне постель?.. А склеп не совсем как бы в моих интересах... И та ведьма, что там в гробу, показалась мне вообще как будто и не человек вовсе, а статуя из мрамора. Правда, превосходного мрамора. И выполнена достаточно весьма.

Он вздрогнул, торопливо перекрестился.

– Господи, зачем вам это было надо?

– Что?

– Смотреть на нее!

– Я ее и пальцем не тронул, – ответил я честно. – И вообще... Посмотрел достопримечательности и удалился. Как я понял, больше осматривать нечего?.. Ну там горгульи на крыше, горгоны в саду, джаббергаки в конюшне...

Он указал на распахнутую дверь зала, где, судя по запахам, уже остывает горячее.

– Ваше Высочество...

– Бегу, – сказал я бодро.

В зале за столом мирно ужинают старый лорд и вся его семья: жена, две дочери и единственный сын, которому я помог добраться до замка чуть быстрее, чем это получилось бы у него самого. А еще с ними ужинает священник, сидит, как и положено, слева от хозяина, в то время как жена справа.

Впрочем, там еще одна женщина, довольно уверенная с виду, сразу окинула меня оценивающим взглядом, словно козу на базаре, что мне очень не понравилось, что-то сказала тихонько священнику.

Тот на меня зыркнул с некоторым неудовольствием, сразу же поинтересовался:

– Вы опоздали на ужин, Ваше Высочество, потому что молились в часовне?

– Вера в сердце, – ответил я коротко, – а не в коленях.

Он нахмурился, я ощутил, что один недоброжелатель в этом замке уже есть, но не все ли равно мне, который сегодня здесь, завтра там.

Я сел на указанное мне место, самое лучшее, на мой взгляд, как раз посередине между сестрами барона Джильберта, милыми и домашними, но все-таки эти не придут ко мне в постель, чувствую, это же хорошо, еще не родился на свете мужчина, который в темноте отличит на ощупь герцогиню от служанки.

Под столом завозилось нечто огромное и грузное, вроде носорога, горячий язык лизнул мне пальцы.

– Ну да, – пробормотал я, – как же без тебя... Уверен, ты даже молитву пропустил...

Атмосфера за ужином печально торжественная, я посматривал искоса, настоящая рыцарская семья со старыми традициями и древними идеалами чести: даже мать не умоляет сына бежать за пределы королевства, спасая жизнь, отец суров, часто вздыхает, но и он считает, что сын должен вернуться в столицу и положить голову на плаху, раз уж дал слово.

Только у сестер глазки на мокром месте, хотя он сам, несмотря на смертельную бледность, силится улыбаться, часто и невпопад шутит, на что его отец всякий раз усмехается с полным одобрением мужественному поведению сына.

Когда одна из сестер спросила робко, нет ли возможности спасти жизнь, даже если пришлось бы повиниться перед королем, отец оборвал ее суровым голосом:

– Благородный человек знает только долг, низкий человек знает только выгоду... Не так ли, ваше высочество?

Я задержал перед открытой пастью жареную ножку ягненка, все обратили на меня взоры, я все это время помалкивал, пришлось пробормотать:

– Дорогой сэр Карвин, я трудно и усердно учусь быть сюзереном... и уже понял, что бесстрашие и мужество – не одно и то же. Мужество есть у наиболее стойких, дерзкая же отвага и бесстрашие свойственны очень многим – и мужчинам, и женщинам, и детям, и животным.

Он взглянул на меня остро.

– Юность – время отваги.

– Отвага, – сказал я, – в лучшем случае опрометчива. Я предпочитаю храбрость. Она посредине между самонадеянной отвагой и робостью. Что делать, я, как уже сказал, сюзерен...

Он нервно дернул щекой, да и на лицах других я уловил больше сдержанного презрения, чем понимания: молчал бы уже, консорт несчастный...

Священник произнес благочестиво:

– Друг, жена, слуга, рассудок и отвага познаются в беде.

Я сказал с укором:

– Святой отец, в Библии сказано, что на свете больше дураков, чем людей!.. Вы Святое Писание читаете?

Он посмотрел на меня строго.

– Какой бы стала жизнь человека, убери из нее отвагу и способность жертвовать собой?

– Разум без отваги, – возразил я, – свойство женщины, а отвага без разума – свойство скотины!.. Хотя в какой-то мере я согласен: отвага – это много. Это важно. Признаюсь, совсем недавно и я полагал, что отвага – превыше всего. Но теперь понимаю, все же долг выше. Благородный человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может стать мятежником. Низкий человек, наделенный отвагой, но не ведающий долга, может пуститься в разбой.

Старый лорд нахмурился, я хоть и гость, но вроде бы начинаю исподволь разрушать героический образ любимого сына, что красиво сложит голову на плахе, спросил у Джильберта:

– Я слышал, лорд Чедвик попытался передвинуть границы своих земель в нашу сторону?

Джильберт ответил с тяжелым вздохом:

– Да, отец. И очень жаль, что я не смогу...

– Исполни свой долг, – ответил отец торжественно, – а мы исполним свой.

Я поинтересовался:

– А что за лорд Чедвик?

– Сосед, – ответил лорд Хрутер, – у которого отваги на сотню львов, а ума на пару ослов.

Священник перекрестился и сказал таинственным голосом:

– Говорят, мать его носила в чреве сорок лет и сорок дней. Потому и родился уже с бородой и усами.

Я зябко передернул плечами.

– Младенец с бородой? Отвратительно.

– Повитуха упала в обморок, – сообщил священник. – Остальные разбежались. Мать сама перегрызла пуповину и облизала его, как волчица щенка.

– Потому он такой и злой, – сказал лорд Хрутер с видом знатока. – И если падет от нашей руки, то Господь простит, а в небесах ангелы возрадуются и даже, может быть, воспоют осанну!

– Но король вряд ли, – сказал Джильберт трезво.

– А почему король?

– Королю из столицы не видно, – объяснил Джильберт, – что этот Чедвик редкая сволочь. Король требует, чтобы казнить и миловать мог только он или королевский суд, а не на местах, как мы все предпочитаем. И как завещано нашими великими предками!

В его голосе звучало искреннее негодование, а я напомнил себе, что нужно помалкивать и не лезть со своим мнением. Конечно же, казнить и миловать должна только высшая власть, а не мелкие лорды в своих уделах. Это понимал даже Иисус, когда заявил, чтобы никто никому не смел мстить, а оставил отмщение только ему лично.

Глава 8

Одна из сестер указала слуге, что у меня опустело блюдо, тот приблизился быстро и переложил из большой кастрюли уже не ножку ягненка, а баранью ногу, хорошо прожаренную, пахнущую березовыми ветками.

Я сказал ей тихонько:

– Спасибо, леди...

– Леди Мелисса, – подсказала она, – а мою сестру зовут Карентинной, но она очень застенчивая и с вами ни за что не заговорит.

Я шепнул ей на ухо:

– Прекрасно, тогда нам ничто не мешает общаться?

Она грустно улыбнулась.

– Но не в этот печальный день.

– Это день печали, – согласился я. – Но и день славы для вашего древнего рода.

– Все равно, – сказала она упавшим голосом, – для меня только день печали. Как я теперь буду без старшего брата... Господь несправедлив, если заберет его от нас!

Я сказал участливо:

– К великому сожалению, в политике Законы Господа не срабатывают.

Лорд Хрутер ел мало, пил тоже умеренно, лицо оставалось печальным и гордым одновременно, священник рядом часто крестится и что-то говорит очень тихим голосом, но старый лорд почти не слушает, брови то и дело сдвигаются над переносицей.

Я не вслушивался, обычные банальные слова утешения, старому лорду нужны слова ободрения, и я сказал с участием:

– Некоторые неписанные законы тверже всех писаных. Ничего на свете не заслуживает такого уважения, как человек, умеющий мужественно переносить несчастья.

Он произнес невесело:

– Спасибо, Ваше Высочество. Но смею сказать, мы черпаем свое мужество из стойкости и подвигов наших предков.

– Да, – согласился я, – были люди в ихнее время. Богатыри, не мы!.. Однако наша задача быть достойными. Нельзя, чтоб зазря!.. Хотя сейчас и другое время, но должны как бы не посрамить. Ваша светлость, благодарю за удивительный ужин в теплой и героической обстановке. Это было весьма патриотично и воспитательно. Буду вспоминать и другим рассказывать! Чтобы на живом пока еще примере учить и поучать, как надо и как не надо. Спасибо!

Я встал, откланялся, спеша уйти раньше других, чтобы не пришлось ни провожать барышень до их спален с недремлющими тетками, ни выслушивать старого лорда о подвигах предков.

Бобик, на удивление, выбрался вслед за мной, но я посмотрел в его честные глаза и махнул рукой.

– Ладно, пируй. Только не буди, когда явишься за полночь. И без пьяных песен...

Уже оказавшись у двери своей комнаты, подумал, что сна ни в одном глазу, проворочаюсь до утра, первый раз, что ли, в голове все время рождаются новые планы, как быстро уладить все с отделившимися королевствами и как можно скорее отыскать отмычку к проблеме Маркуса.

Самое время вспомнить об Эркхарт. И хотя она всего лишь простейший транспортник, запрограммированный возить переработанную руду из пункта А в пункт Б, но все-таки смотрит сверху, должна знать больше, если не убрала это все вместе с эмоциями, что когда-то нанесли ей жесточайшую травму...

Кто-то из слуг поклонился по дороге, я вздрогнул, обнаружив себя на ступеньках, что ведут в подвал, и там, как я помню, еще ниже и ниже, пока передо мной не окажется дверь могильного склепа...

То ли меня самого тянет туда, то ли это ведьма как-то зовет, не знаю, самое умное и даже правильное сейчас бы повернуть обратно, там постель уже готова, управитель точно намек понял и служаночку послал погреть мне постель если не холодной попкой, то горячим пузом, а я, как дурак, еще и колеблюсь...

Но если человек и карабкается по крутой, но опасной дороге прогресса, то лишь потому, что частенько ведет себя по-дурачки и рискует там, где рисковать совсем не обязательно...

Я бурчал на себя, ругался, стыдил и укорял, но продолжал спускаться, пока не толкнул дверь и не оказался в склепе, а там уже умолк, пришел, отступить поздно, да и стыдно, она хоть и не смотрит, но вдруг как-то видит...

Наверное, именно потому я направился к гробу той глуповато-развязной походочкой, как бы подчеркивающей, что нам сам черт не брат, кому угодно рога собьем. Ничего не боимся и все нам, как с гуся вода.

Она в гробу вся такая же застывшие-мраморная, хотя удивительнее было бы, если что-то изменилось, я перевел дыхание, чего-то да ожидал, трус несчастный.

– Ну что, – сказал я покровительственно, – мое предложение пока еще в силе. Я уполномочен набирать добровольцев в элитный обряд по борьбе с самым опасным противником!.. Ты же боец, вон у тебя какие...

Ее лицо, к счастью, не изменилось, я пощупал ее взглядом, подумал, сказал с сомнением:

– В моих краях полагалось поцеловать, после этого тебе нужно моментально проснуться. Но я человек приличный, а целовать незнакомую женщину до того момента, как выкажет ужимками, что еще как не против... можно и по морде хлопотать. В общем, леди, на случай, если просто пребываете в медитации... дескать, здесь все обрыдло, сообщаю, что можете поднаться.

Она по-прежнему оставалась мраморно-белой и недвижимой, я ощутил досаду, чувства меня все-таки обманули, никакого зова не было, померещилось, но прежде чем повернуться и уйти, сказал весомо:

– Маркус нагрянет вот-вот. Уже этим летом. Все превратится в пыль... как и этот замок с его склепами, тайнами, трупами и мышами в подвалах. Подумай над моим предложением.

Она не двигалась, я пожал плечами, дескать, сделал все, что мог, даже предложил помощь, все-таки женщина, да еще красивая, пошел к оставленной в распахнутом виде двери.

За спиной как будто раздался вздох. Хотя, конечно, не вздох, но что-то произошло.

Холод прокатился по телу, я круто развернулся. Рука привычно шлепнула по бедру, но на поясе пусто, как и за спиной. Теперь, когда наловчился призывать свое оружие, обычно оставляю его поблизости, чтобы меньше усилий на перенос.

Торопливо сосредоточился, пальцы ощутили прикосновение рукояти меча и торопливо сжались на рифленой поверхности.

Я выждал, но ничего не происходит, хотя холодок не уходит, заползает поглубже.

С мечом в обеих руках я двинулся осторожным приставным шагом к гробу, вытягивая шею и стараясь увидеть все с безопасного расстояния.

Лицо ведьмы остается мраморным, но губы медленно наливаются алым, сперва едва-едва заметно, как робкий рассвет, что еще не уверен насчет успеха, затем заметнее, стали пунцовыми, ярко-красными и почти вдвое более пухлыми, чувственными, четко и красиво обрисованными.

Я вздрогнул, меч остался в одной руке, а другой торопливо сотворил крестное знамение. Ноги сами по себе сделали робкий шагок назад, у них своя голова, что ближе и умнее, а я с дрожью всматривался в ее лицо.

Кроме покрасневших губ все мертвое, я же вижу, и не просто мертвое, а именно холодный камень белейшего мрамора. Но губы... губы все-таки покраснели и даже... изменили форму.

– Давай, – сказал я. – Ты же сильная! А сильные всегда в цене. Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на страшен Господень суд. Но нет Востока и Запада нет, что племя, родина, род, если сильный с сильным у края земли встает?.. Сильные вне рода, племени, цвета кожи и даже пола, представляешь?.. Так что тебе уготованы почести и даже честь... Давай, просыпайся!..

Смотрится она дивно прекрасной и, увы, мертвой, но все же белизна мрамора медленно уступает более естественному цвету лица живого человека. Настолько медленно, что я не замечаю перехода, но сейчас ее лицо уже почти живое, только все еще смертельно бледное, однако эта бледность живого... нет, пока еще мертвого, но уже не мрамор, точно не мрамор...

Руки сложены на груди, мирная покойная поза, я перевел дыхание, мои уговоры не помогают, попробуем шоковую терапию:

– Да воскреснет Бог, да расточатся врази Его... врази – это враги, поняла?.. и да бежит от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут! Яко тает воск от лица огня...

Я услышал ее тихий бестелесный шепот:

– Замолчи...

Я вздрогнул, но, собрав волю в кулак, ответил храбро:

– Молчи, женщина, когда говорит доминант!

Она в самом деле замолчала, я продолжил читать молитву, хотя уже и не с того места, в нервозности проскочив пару куплетов.

Ее густые черные ресницы дрогнули, пошли вверх. Мраморно-белые веки раздвинулись. На меня в упор взглянули абсолютно черные глаза, где чернота от века до века, все глазное яблоко абсолютно черное, и холод в моем теле пошел шибче и шустрее вгрызаться в плоть.

Я задержал дыхание, чувствуя, как страх пронизывает меня с ног до головы, сосредоточился, заставляя трусливую кровь, что спряталась где-то в районе печени, пойти на периферию и прогреть застывающие конечности.

– Не думаю, – сказал я, – что ты пугаешь нарочито... Это я сам перед твоей красотой робею.

Она медленно и несколько механически поднялась, села, ни на что не опираясь, очень неудобная поза, я бы точно опрокинулся на спину, затем начала так же неспешно и победно подниматься, словно не сама по себе, а позволяет некой раболепной силе тащить себя вверх.

– А это красиво, – проговорил я дрожащим голосом. – Весьма обло.

Вся в белом, как невеста, вздымалась и вздымалась, уже и ступни оторвались от гроба, красиво зависла в воздухе, вся в развевающемся под незримым ветром платье.

Длинные рукава красиво тянутся следом, как белесый туман, а она, держа ладони открытыми, как богородица на скульптурах, поплыла по кругу, будто пытается зайти сзади, однако я поворачивался за нею, как подсолнух за солнцем... хотя те вроде бы не поворачиваются, ну как флюгер за ветром, оправдывая себя тем, что от красивых женщин неприлично отводить взор.

Сделав круг, она медленно и величаво опустилась, не меняя ни позы, ни выражения, а когда ее ступни коснулись пола, неспешно пошла по каменным плитам в мою сторону.

– Так-то лучше, – сказал я нервно, – только передние конечности опусти, сперва поговорим, а эти обнимания и все прочее потом...

Она ускорила шаг и вдруг ринулась, спокойная и улыбающаяся, только ногти превратились в когти, да и сами пальцы покрылись блестящей чешуей, и эти когти были направлены прямо мне в лицо.

Я выставил меч перед собой, но ведьма за пару дюймов до него остановилась, словно ощутила некую незримую стену.

Ее лицо впервые исказилось в злобную гримасу, но через мгновение снова засияло ангельской красотой.

– Смирись, ведьма, – сказал я как можно более властно, – признай меня хозяином!.. А я постараюсь быть милосердным. Да и не до свар сейчас, над всем миром беда...

Не меняя выражения лица, она пошла по кругу, мне показалось, что все еще во сне, двигается как сомнамбула, это такие лунатики, а вытянутые вперед руки ощупывают тонкими белыми пальцами незримую стену, которую я точно не воздвигал.

Я следил за нею настороженно, все еще не меняет выражение лица, но движения становятся все быстрее и порывистее, а лицо то и дело дергается, словно старается поскорее пробудиться от тяжелого сковывающего сна.

Далеко на грани слышимости прокричал петух. Мертвая ведьма замерла в патетическом изумлении, но некая сила начала ее отодвигать от меня. Пальцы с острыми когтями, нацеленные в мое горло, медленно опустились.

Она отступила еще и еще, не отрывая от меня застывшего взгляда, и так, не поворачиваясь, пятилась до самого пьедестала с гробом, ударилась о него спиной, некая сила воздела ее на нужную высоту, и там улеглась в гроб, все еще не отрывая от меня немигающего взгляда, в котором наконец-то проступило сильнейшее изумление.

И лишь когда сложила руки на груди и закрыла глаза, я ощутил, как жутко все во мне трясется, сердце стучит с истерическими всхлипами, а легким недостает воздуха.

Глава 9

В коридоре молоденькая девушка в чистом белом чепчике сидит на корточках, упершись спиной в стену, но едва я появился в зоне видимости, торопливо поднялась, руки мнут фартушек, испуганно поклонилась.

Я спросил тупо:

– Ты чего здесь?

Она пролепетала:

– Господин управитель послал постелить вам постель, но там такая страшная собака...

– А-а-а, – сказал я и посмотрел внимательнее в ее чистые и еще почти детские глаза, – это хорошо, но ты иди спи к себе. Я тут в таком состоянии, что мне все равно, какое бревно будет со мной, я сам бревнее любого бревна...

Она ничего не поняла, беспомощно хлопала длинными ресницами.

– Ваше Высочество?

Я погладил ее по щеке.

– Иди-иди. На вот тебе за старание. Как-нибудь в другой раз, хорошо?

Она непонимающе посмотрела на золотую монету, наверняка впервые видит, я вложил ей в ладонь и сам загнул ей пальцы в крохотный розовый кулачок.

– Все, беги! А то не выспишься.

Она все еще не двигалась, пока я не развернул ее к себе спиной и не шлепнул по заднице, тугой и вызывающе приподнятой. Даже не проводив ее взглядом, я открыл дверь и ввалился в комнату.

Бобик приподнял голову, в сонных глазах неодобрение. Я выставил ладони в успокаивающем жесте, и он снова уронил тяжелую голову на пол.

Я рухнул на постель, в голове сумятица, все больше растет подозрение, что не сам решил ни с того ни с сего отправиться в склеп, а это мертвая или недомертвая колдунья сумела послать зов такой же нечисти, как и она сама, но откликнулся почему-то я.

То ли потому, что ближе, то ли я чем-то понятнее, то ли еще что-то вовсе неизвестное...

– Бред, – сказал я сам себе, – воображение у меня что надо. И что не надо тоже...

Утром слуги, посланные помочь мне одеться, изумились, застав меня уже в полной экипировке и борющимся на полу с Бобиком.

– Ваше Высочество...

– Что, – спросил я, – завтрак?

– Да, – ответили они хором, – если вы изволите, сейчас за вами зайдут...

– Пусть заходят, – разрешил я. – Бить не буду.

Они торопливо удалились, это бить не буду тех, кто придет звать на завтрак, а их могу еще как за опоздание.

Едва дверь за ними захлопнулась, почти сразу же явился управитель, торопливо поклонился.

– Ваше Высочество... с вами все в порядке?

Я спросил настороженно:

– А что во мне как бы не так?

– Да все так, – заверил он быстро, – просто слуги сообщили, в склепе был шум, завывания, словно сотни демонов пытались оттуда вырваться на волю... а еще сказали, что, как только вы оттуда вышли, все смолкло и совсем затихло.

– Никаких голосов не слышал, – ответил я твердо.

Он спросил шепотом:

– Но в склепе... были?

– А что, – спросил я в ответ, – запрещено? Да, был. Не привлекался, но участвовал. Я такой, интересующийся. Видел графиню. Интересная женщина. Как говорите, ее зовут? Карелла?

– Графиня Карелла, – прошептал он, – урожденная фон Кенигсегг-Аулендорф...

– Своеобразная, – заметил я, – и даже своеобразная женщина. Не часто таких встретишь. Во всяком случае, даже не каждый день.

Он замер, глаза его задергались в орбитах, обшаривая взглядом мое гордое и красивое лицо.

– Но как же... она что...

– Оживала, – сообщил я скромно, – не совсем так уж, но все же, хотя и не как женщина... ну, вы понимаете, а больше как человек вообще, в целом, обобщенно, если можно так сказать, хотя, как мне кажется, сказать можно все, чем мы и пользуемся во всю ширь и размах необъятной человеческой души.

Он несколько обалдел, я даже сам не успел понять, что я завернул так красиво, он спросил жалко:

– В смысле... в самом деле оживала?

– И даже вылезала, – гордо сказал я. – Хотя, точнее, нечто такое ее вылезало саму, а она как бы просто не противилась, а разрешала. Видимо, это служебная магия, как если бы вам слуги придвинули кресло...

– А... потом?

– Похоже, – проговорил я скромно, – я ее заинтересовал.

Он охнул, прижал ладонь ко рту, глаза выпучились.

– Ваше Высочество?

– Обратила на меня внимание, – пояснил я. – Знаете ли, я тоже заметил, в самом деле знатная дама и обучена была весьма... Такие манеры! Хотя и несколько устаревшие, но это так мило, так волнительно...

Он побледнел.

– Надеюсь, вы шутите?

Я изумился.

– Почему?

– Но ведь, – проговорил он, едва шевеля посиневшими губами, – это же кошмар! Это гибель!

Я подумал, пожал плечами.

– Возможно, в будущем. Пока что показалась весьма женственной, что значит больной и слабой.

Он прошептал:

– Господи... Но как только войдет в силу... А слабая потому, что проснулась раньше времени? Как вы это сделали?

Я ответил скромно:

– Надеюсь, моей жене не расскажете?... Хотя это неважно, вы ведь тоже, как полагаю, мужчина... В общем, вылезла из гроба... нет, это вульгарное слово, она поднялась, даже нет, возделась весьма красиво и величественно, у нее каждый жест исполнен достоинства, величия и силы! Это весьма, я бы сказал, в ней чувствуется кровь древних правителей.

Он, уже бледный и с посиневшими губами, проговорил жалко:

– Ах, Ваше Высочество... ну зачем вы ее разбудили? Так бы, может быть, она проснулась бы лет через сто...

– Нехорошо, – сказал я с мягким укором, – перекладывать решение проблем на потомков.

Он посмотрел исподлобья.

– Почему плохо... если можно?

– Они же слабые, – пояснил я, – хилые, никчемные, вялые, изнеженные, демократичные, ничего не знают и не умеют, хотя уверены, что ого-го какие... Жаль, утро наступило и все испортило, как обычно и бывает! Мы с графиней только-только начали было взаимовыгодный диалог культур и, главное, полов. В общем, пойдемте завтракать, а то Бобик все пожрет!

По дороге в столовую я подумал о словах несчастного барона, что до столицы Бурнандов всего трое суток верхом, это для Зайчика совсем пустяк, можно заскочить к местному королю, пообщаться, все-таки соседи, вдруг да его тоже удастся уговорить подписать договор коллективной безопасности...

Но все-таки, как ни гнал от себя сентиментальную мысль, что надеюсь спасти жизнь юного романтика, она возвращалась снова и снова, напоминая, что не такой уж я и бесчувственный политик. И хотя да, народ – это статистика, но отдельные единицы этого народа вызывают горячую симпатию и желание как-то им помочь или хотя бы спасти.

Но, конечно, о бароне только вскользь, мельком, мы же правители, а главное – договоры, обсуждение стратегического положения в мире, геополитические расклады сил и влияний...

В трапезной комнате все уже снова за столом, но сейчас все еще печальнее и торжественнее, а я чуть не забыл, что после завтрака юный барон поспешит в столицу, чтобы успеть на собственную казнь.

Старый лорд за минувшую ночь осунулся, скулы выпирают острее, а щеки запали. В глазах болезненный блеск, но держит спину прямой, а плечи гордо разведенными в стороны. Честь рода не посрамлена, а это главное, ибо нет отдельных людей, а есть род, что идет из тьмы веков и должен пронести в будущее образцы чести, верности и достоинства.

– Приятного аппетита, – сказал я с натужным оптимизмом. – Надеюсь, у всех все хорошо... в смысле, не посраим сейчас, не посраим и в будущем.

Старый лорд наклонил голову.

– Не посраим.

Я кивнул всем завтракающим, распределяя приветствие от лорда и его сына на дочерей, священника и ту леди, что вообще не проронила ни слова, а только снова осмотрела меня так, словно уже купила и теперь не понимает, зачем я ей нужен.

– Как у вас тут, – сказал я, – э-э... празднично.

Никто не ответил, а я сел, подцепил на кончик ножа прорумяненный кус оленины, но не успел отправить в рот, как священник сказал с осуждением:

– Не сказав благодарственной молитвы?

Я проворчал с угрозой:

– Святой отец, вы богохульствуете, полагая, что Господь не услышал моей мысленной молитвы. Это даже тянет на кощунство! Вы давно сами были на исповеди?.. Нужно сообщить в коллегия. У меня там есть кое-какие связи, пусть с вами поработают поплотнее.

Он вздрогнул и поспешно опустил взгляд в тарелку. Дочери лорда печально улыбнулись мне, я подмигнул, жизнь не кончается, и хотя жизнь молодого барона прервется, но сколько в славном роду Хрутеров погибло молодых и сильных героев, тем самым обеспечивая ему грозную славу и уважение в рыцарском мире?

Старый лорд и молодой это понимают, даже их жены, обе за столом с такими строгими, постными лицами, что даже как будто гордятся, одна тем, что ее сын красиво поднимется на помост и положит голову на плаху, а другая – что муж у нее такой доблестный и благороднейший герой, верный слову чести.

Я поел быстро и больше для вида, на самом деле всегда могу перекусить и в своей комнате, и в седле, а такие совместные трапезы только для общения и сбора некоторой информации.

– Все очень вкусно, – произнес я традиционную фразу и поднялся, – с великим сожалением прошу позволения откланяться...

Лорд кивнул, сейчас не до гостей, даже таких знатных, лицо застывшее, но вздрогнул, словно пробудившись, вперил в меня требовательный взгляд.

– Ваше Высочество, мы в крайнем долгу перед вами...

– Пустяки, – ответил я легко.

– Вы спасли больше, – сказал он, – чем жизнь моего сына! Вы спасли его и нашу фамильную честь.

Я ответил надлежаще высокопарно:

– Это был мой долг.

– Я рассчитываю, – договорил он, – вы не уедете немедленно, а погостите у нас еще хотя бы пару дней. Мы просто обязаны хоть чем-то отплатить вам за такую великую услугу!

Я поклонился, пробормотал в затруднении:

– Пару дней... это слишком... но на сутки постараюсь задержаться... Хотя вы понимаете, я человек женатый...

В его глазах, как и на лицах остальных, я прочел жалостливо-брезгливое, что не просто женат, а, прости Господи, еще и консорт, но он лишь кивнул и обронил:

– Будем признательны и за сутки, ваше высочество.

Я поклонился и выбрался из-за стола, слуги распахнули передо мной двери, я без всякой цели пошел по залам, но перед глазами все еще стояло гордое и скорбное лицо старого лорда.

Тряхнув головой, иногда так удается стряхнуть и непрошенные мысли, словно капли воды после купания, я начал присматриваться к отделке, орнаменту: наблюдательному человеку это может дать очень много, а это значит, вообще могу составить по убранству одного такого зала представление обо всем королевстве, его традициях, обычаях, культуре и дальнейшем пути развития на ближайшие тысячу лет, если, конечно, позволит Маркус.

Когда через полчаса я вышел из здания, во дворе двенадцать крепких воинов уже в седлах, барону Джильберту подвели молодого крепкого коня под рыцарским седлом и красной попоной в клетку.

Он вставил носок сапога в стремя, бледный и красивый в каждом жесте, я вышел на крыльцо, он увидел и слабо улыбнулся.

– Сэр Ричард, я счастлив, что вы приняли приглашение моего отца погостить у нас еще сутки, чтобы как-то скрасить... мое отбытие.

Я проследил, как он легко и несколько победно поднялся в седло, ответил ему с достоинством и надлежащим тоном:

– Барон, это в какой-то мере мой долг.

– Сэр, – воскликнул он с чувством, – вы настоящий рыцарь! Хоть и консорт.

– Спасибо, барон, – ответил я.

– Это вам спасибо, – сказал он патетически, – вы помогли мне избежать позора, несмотря на то, что вы – консорт!

– Еще спасибо, – проговорил я с глубоким чувством сквозь зубы.

Он воскликнул с жаром:

– Если бы я тогда умер под тем деревом от ран, в столице и королевстве могли бы не узнать о моей гибели. И считали бы, что я убежал за пределы, спасая шкуру!

– Уверен, – заявил я с подъемом, – так бы не подумали. Ваша репутация была и остается чиста в рыцарских глазах. Но, конечно, хорошо, что все заканчивается хорошо.

Что я несу, мелькнула мысль, он же помчится к плахе, где скатится на окровавленный помост его голова...

Однако барон выпрямился в седле такой гордый и красивый, что я подумал невольно: это я дурак, чего-то недопонимаю, он в самом деле считает, и все вокруг так считают, что все заканчивается хорошо, ибо что наши жизни в сравнении со славным и могучим древом рода?

Глава 10

Я подождал, когда отряд проедет под аркой ворот, затем искоса наблюдал, как старый лорд нежно обнимает и уводит обратно в замок жену, она только сейчас позволила себе выронить слезу, при сыне держалась и даже улыбалась ему, подавляя все материнские инстинкты.

– Ладно, – пробормотал я, – это не мое дело. Хотя и мое, конечно, как христианина, но и христианство должно умерить свои аппетиты. Иначе будет вмешательство в суверенные права и даже в частную жизнь...

Молодой барон отправился в обратный путь, пробыв в семье меньше суток, а я вынужденно принял приглашение герцога погостить у них еще денек, потому что разбудил ведьму раньше времени. Теперь как бы обязан что-то да предпринять, а старый лорд явно надеется, что я именно что-то сделаю такое, что отведет от них беду.

Когда вернулся в донжон, за спиной послышались быстрые шаги, я определил, даже не оглядываясь, что догоняет кто-то из старших слуг, только у них эта походка, смесь угодливого подгибания ног и начала спесивости.

Управитель догнал, пошел рядом, опасливо поглядывая на мое полное величия и надменности лицо.

– Ваше Высочество, – произнес он умоляюще. – Может быть, вы больше не станете туда ходить? Я имею в виду... в склеп.

Я ответил в изумлении:

– Да я и не собирался. Мне тоже пора в столицу. Не по такому важному и красивому делу, как у молодого барона, но тоже в некотором роде. Для меня важному.

Он просиял:

– Правда? А то мне показалось...

– Что? – спросил я с подозрением.

– У вас вчера было такое лицо, – признался он, – какое бывает у тех, кто возвращается. Я даже не знаю, как вы вообще сумели к ней попасть, там двери отпираются только изнутри...

Я насторожился, по спине пробежал знакомый холодок.

– Что, правда?

– Клянусь.

– Что за, – пробормотал я, – что за... нет, мне надо ехать. Весьма. Ибо!.. Такова жизнь сюзеренов. Я хоть и консорт, но в какой-то мере еще и человек, хотя я даже не знаю и знать не хочу, что тут понимают под словом «консорт».

Он сказал обрадованно:

– Молодому лорду отец дал для сопровождения двенадцать воинов, но вы, возможно, догоните его и поедете с ним, раз уж вам обоим в столицу?

– Разумеется, – ответил я. – Еще как догоню, если успею. Я пообещал вашему лорду погостить... думаю, ночи будет достаточно, а утром вот так же точно ускорим.

Он просиял.

– Ваше Высочество! Тогда я распоряжусь, чтобы вас развлекали в эти сутки. Как вы понимаете, старому лорду лучше побыть наедине со своим горем или хотя бы в кругу семьи...

– Все в порядке, – заверил я. – Меня не обидит, если развлекать меня будет не старый лорд, а молодая служаночка.

Он сказал понимающе:

– Ваше Высочество! Вы не будете разочарованы. Я понимаю, ваша венценосная супруга и повелительница осталась в Мезине, а вы тут имеете полное право тайком развлечься... пока грозная королева Ротильда в неведении.

– Да, – пробормотал я, – все верно. Вы прекрасно все понимаете.

– Все останется в тайне, – заверил он.

– Надеюсь на вас, – сказал я значительно. – Сэр...

Он все понял, поклонился и застыл на месте, пока я поднимался по лестнице и наконец не скрылся из виду.

На втором этаже я все еще прикидывал, что скажу королю, но зашелестело, отвлекая от государственных мыслей, женское платье, пахнуло свежестью и молодостью девичьего тела, это из двери соседнего зала почти выбежала леди Карентинна, та из сестер, что никогда не заговорит с мужчиной из-за дикой застенчивости, как сообщила ее сестра Мелисса.

Сейчас она почему-то запыхавшаяся, в глазах страх, в тонких пальцах вышитый платочек, прижимает его к груди так трогательно, что я забеспокоился, не вздумает ли подарить в наивной надежде, что подцеплю на шлем или копье.

– Ваше Высочество!

Голос ее был испуганно-пищущий, но и страстный в той мере, что позволяет верить в ее взросление, все-таки уже не ребенок, вон в низком вырезе платья отчетливо видны края бело-снежных холмиков.

– Да, леди?

Она вскрикнула:

– Я слышала страшную весть...

– Не обращайтесь внимания, – сказал я покровительственно. – Вся жизнь бывает страшная. Но когда привыкнешь, жить почти можно.

– Ваше Высочество, – проговорила она почти плачуще, – слуги говорят, вы спускались в склеп...

– Ну...

– И для вас открылись двери!

– Было такое, – согласился я. – Хотя двери, вообще-то, я сам открыл. А что такого особенного?

Она оглянулась, широко ли открыт проем в соседний зал, чтобы оттуда могли видеть, где мои руки, только при широко распахнутых дверях приличная девушка может разговаривать с мужчиной.

– Сэр Ричард, – проговорила она с мольбой, – я так тревожусь за вас! Та ведьма... она ведь показала вам красивой?

– Графиня Карелла фон Кенигсегг-Аулендорф, – ответил я с честностью рыцаря на турнире, – очень красивая. Что делать, бывают же такие женщины. В смысле, тоже красивые, кроме вас, конечно. Хотя вы вроде бы совсем живая, а она как бы не.

Она сказала еще жарче, совсем не похожая на ту, которую нарисовала в моем воображении Мелисса:

– Это колдовство! Она не может быть такой! На самом деле должна быть уродливой! По-настоящему красивым нет нужды заниматься колдовством!

Я посмотрел на нее с уважением.

– А вы правы, леди. Хотя, конечно, я не рассмотрел там никаких чар, она вроде бы в самом деле такая. Но вот вы да, и красивая, и вполне вероятно, что не колдунья.

– Она вам лгала, – сказала она страстно. – Я же вижу, вас уже подло и низко очаровали! А это так недостойно, хотя женщинам можно все... О, что сделать, что сделать, чтобы вас спасти!

Я пробормотал:

– Вообще-то, женщины должны знать, как спасать мир...

– Сэр Ричард?

Я посмотрел откровенным взглядом, ее нежные щеки тут же залило жарким румянцем.

– Сэр Ричард... – пролепетала она упавшим голосом.

– Да, леди?

– Вам нужно перестать думать о ней, – прошептала она слабым голосом, – как о красивой.

– Увы, – ответил я грустно. – Такое можно только клин клином. К сожалению, леди Карентинна... ах, какое прекрасное имя!.. Вы сами его выбрали? У вас прекрасный вкус... Родители? У них тоже есть вкус... В общем, мужчины все такие... Жаждем быть очарованными! Околдованными, попавшими в сладкие женские сети...

– И нельзя вас спасти?

Я пожал плечами.

– Разве что набросить свою сеть раньше.

Она посмотрела на меня беспомощно, щеки уже не алые, а пурпурные, горят жарким румянцем уши и нежная шея.

– Я бы сделала, – проговорила она умоляюще, – но я уже ничего не умею, я только два дня как из монастыря, где воспитывалась с семи лет...

Я развел руками.

– Леди Карентинна... Я в какой-то мере отец народа, потому должен о всех заботиться. Думаю, это мой долг помочь и вам. Ну, а заодно покажу, как позаботиться обо мне.

– Сэр Ричард!

Я сказал тихонько:

– Я собирался отбыть, но ваш отец уговорил задержаться еще на сутки. Все равно догоню и обгоню юного лорда, так что как бы весма...

Она пугливо оглянулась по сторонам. В дальние двери пару раз заглянули, но, к счастью, мы далеко, наши голоса туда не достигают.

– Я приду к вам, – прошептала она. – Ждите...

– Клянусь, – ответил я ошарашенно. – Вы настоящая женщина, леди Карентинна.

Бобик подошел к двери и прислушался. В коридоре послышались приближающиеся шаги. Мужские, что неинтересно, и какие-то медленно мелкие, что совсем ни в одни ворота.

Я обернулся на стук.

– Открыто!

Вошел священник, посмотрел на меня исподлобья.

– Вы мне совсем не нравитесь, – сказал он хмуро, забыв хотя бы перекрестить, – Ваше Высочество... как и я вам. Но вы наверняка снова отправитесь в склеп, который почему-то открыл вам двери.

Я пробормотал:

– Ну... допустим. И что?

Он вытащил из складок рясы, где у него наверняка несколько широких карманов, чтобы прятать всякие непристойные вещи, книгу среднего формата.

– Возьмите с собой, – сказал он отвратительно непререкаемым тоном. – И, если возникнет нужда, читайте громко и внятно отсюда.

Он положил на стол и отступил на шаг. Я сказал вяло:

– Там что-то новое?

Он произнес сухо:

– Всего хорошего, Ваше Высочество!

Я промолчал, а он ушел так же неожиданно, как и появился. Я пожал плечами, странные здесь люди, без всякого интереса потрогал книгу, раскрыл.

Судя по тексту, молитвенник. Старинный, бумага желтая и с обтрепанными, как у старой бабочки крылья, краями страниц. Писец трудился старательно, однако вижу по почерку, где торопился, где чуть-чуть схалтурил, пусть и самую малость, но мне как-то без разницы, даже при скудном свете все букочки различаю отчетливо, но все равно как-то не верится, что

мой голос или слова древних заклиний, благозвучно именуемых теперь молитвами, остановят ведьму, могучую настолько, что вместо привычной смерти просто засыпает, чтобы проснуться всемогущей.

– Ну хорошо, – сказал я внимательно наблюдающему за мной Бобику, – я же запасливый, верно?

Он поморщился и лег мордой к двери, чтобы не упустить все просачивающиеся в узкую щель под дверью запахи.

Я покосился на молитвенник, вряд ли стоит брать с собой не только сейчас, но и вообще, вышел и плотно закрыл за собой, пока Бобик не вышел на очередную прогулку и не опустошил попутно все кухонные запасы.

В коридоре страж посмотрел на меня и загадочно ухмыльнулся. Я посмотрел холодно, но ничего не сказал, прошел мимо к лестнице, что ведет на дозорную башню.

Можно догадаться, что он подумал, я, вообще-то, знаю тоже не меньше десятка анекдотов про консортов, но все простенькие. Самые изощренные крутятся вокруг брачного ложа. По мнению местных, уже сама мысль, что женщина может залезть сверху, глубоко оскорбительна для мужчины, позорящая его навечно. А консорты как бы обязаны покорно лежать и терпеть женские ласки. Ха, они не представляют, что через тысячу лет сами будут мечтать о таком счастье...

Винтовая лестница довольно быстро привела на самый верх, обзорная площадка с конической крышей от дождей, ветхое ограждение, лучше не опираться, и один страж в кожаных латах, ветеран с виду, но с такой скучающей мордой, словно и не ветеран, а суперветеран.

– Бдим?

Он смерил меня взглядом с головы до ног, подниматься не стал, я хоть и принц, но из чужой страны, к тому же вообще, ха-ха, консорт, уже все, даже слуги, знают.

– Еще как, – ответил он вяло. – Бдим, а как же...

– А как? – поинтересовался я.

– А никак, – ответил он почти нагло. – Что тут бдить?.. Все всегда спокойно.

– Говорят, – сказал я, – лорд Чедвик пробует передвинуть межу...

Он отмахнулся.

– Так передвигать можно двести лет, пока отсюда ее увидишь. Глупое занятие – торчать здесь. Но что поделаешь, за это платят.

Я посмотрел по сторонам, вид прекрасный. Замок хоть и не на горе, но во все стороны ровная, как обеденный стол, поверхность, видно далеко и четко, ветра нет, пыли подниматься пока вообще рано, воздух чист, как детское горе.

Он наблюдал за мной с ленивой насмешкой, а я всмотрелся в далекую искру света, странно подрагивающую, словно огонь в маяке, периодически перекрываемый заслонкой, чтобы привлечь внимание.

– Что это за?..

Он посмотрел в ту сторону.

– Что... а-а, вы видите? Будто огонек от далекого костра?

– Примерно, – ответил я, – только не оранжевый.

– Тогда это мандрагора, – ответил он уверенно. – У меня не такие острые глаза, но знаю, что там может светиться только она. Погодите, вот когда стемнеет, она будет не просто светиться...

Я посмотрел на небо, еще далеко и до полудня, солнце не скоро спрячется за темными с поджаренными краями облаками, чтобы эта самая мандрагора разгорелась во всю мощь.

– Надо бы посмотреть, – пробормотал я. – Время до вечера есть.

Он вздрогнул, быстро-быстро перекрестился, трижды сплюнул, и все в таком темпе, что я едва успевал видеть, что делает.

– Ваше Высочество! – сказал он патетически. – Вы хоть и консорт, но должны же понимать, что туда никто в здравом уме не сунется. Хотя насчет консORTов, правда, не знаю. Мандрагора светится там, где согрешил Адам!.. А это самое проклятое место на земле!

– Ну уж и самое, – проговорил я. – Что за мания величия...

– Ваше Высочество, – заверил он, – народ не ошибается! Все так говорят.

– Много же этот Адам грешил, – сказал я с уважением. – Эта мандрагора где только не растет...

– А светится?

Я пожал плечами.

– Видел только днем. При ярком солнце.

– Значит, – сказал он с убеждением, – светится только наша.

– Что, – поинтересовался я, – здесь Адам как-то согрешил особенно?.. Хотя да, сперва очень тесно общался с Лилит, а также со всякими, гм... Хотя и потом, все-таки прожил девятьсот тридцать лет... Странно было бы ожидать, что все это время будет делить постель только с Евой, мы же унаследовали от него не только мозги, но и всякие там чувства?.. Да и после смерти Авеля он расстался с Евой на сто тридцать лет, все это время греб под себя все, что хоть как-то... В общем, я быстро. Туда и обратно. Только посмотрю.

Он вскрикнул в ужасе:

– На нее даже смотреть близко нельзя!.. А уж попытаться выдернуть из земли... Она так кричит, что всякий сходит с ума. Чтобы ее выдернуть, сперва затыкают уши смолой или воском, привязывают к ней черную собаку, а потом, волоча на длинной веревке перед собакой кусок мяса, понуждают ее тянуться за ним. Мандрагора выдергивается из земли, бедная собака издыхает, а у счастливецa в руках оказывается этот волшебный корень...

– Что? – сказал я грозно. – Собака издыхает?.. Да я таких самих заставлю руками выкапывать!.. Нет уж, обойдемся без этого сгустителя астральной энергии или что там ему приписывают...

Он вскочил, зябко передернул плечами, но на глазах ожил, сказал быстро:

– Вы здесь гость, старый лорд велел вас оберегать и всячески угождать... ну, по мере сил, чтоб не чересчур.

– А чересчур, – спросил я, – это сколько?

– На наше усмотрение, – заверил он, – так что если пойдете смотреть на мандрагору, а то еще и выдергивать, то я, как покорный слуга герцога, пойду вас сопровождать!

Я сказал понимающе:

– Что, настолько обрыдло торчать, как петух на заборе?

– Еще как, – ответил он честно.

– Хорошо, – сказал я. – Пойдем. Не люблю сидеть без дела.

– А пировать? – спросил он.

Я отмахнулся.

– Это тоже не дело, а завершение дела. Пировать просто так... это позор. Пир должен быть только после победы!

Он послушно пошел следом, едва не наступая от усердия на пятки, хотя я спускался не так уж и важно, все равно никто не видит и не оценит.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Франк, Ваше Высочество.

– Иди вниз, – распорядился я, – и скажи во дворе, чтобы оседлали моего вороного и что-нить поплюгавее для тебя. А я пока поднимусь к себе, собаку надо взять.

Он ухмыльнулся.

– Это обязательно. Они жутко обижаются, если оставлять дома.

Бобик ринулся мне на шею, исцеловал, как-то почуял издали, что сейчас отправимся хотя бы в короткий поход, это же так интересно – видеть новые места!

– Даже кухню оставишь? – спросил я. – В самом деле преданный друг.

Он тяжело вздохнул, кухню оставлять всегда жалко, но что поделаешь, просторы зовут и кличут, нельзя не откликаться на их зов.

Глава 11

Когда мы вышли во двор, Франк уже помогал седлать, не доверяя конюхам, крепкого буланого коня, где только и присмотрел такого красавца, а мой Зайчик стоит смирно, даже не замечая испуганного и напряженного как струна конюха, что держит его повод и делает вид, что это он отважно вывел этого зверя из конюшни.

Франк, завидев нас, ухмыльнулся и, затянув подпругу, лихо поднялся в седло. Зайчик подставил бок, я прыгнул в седло, не коснувшись стремени, как не побахвалиться, когда вон в окно выглядывают две женские мордочки, а Франк разобрал повод и крикнул:

– Эй там, морды!.. Открыть ворота людям.

Бобик, показывая, что он тоже людь, первым проскочил в щель, не дожидаясь, пока распахнут во всю ширь.

Я крикнул предостерегающе:

– Бобик, не туда!.. Шателлен подождет, сперва во-о-он туда, видишь там искорку?.. Или для тебя не искорка, я ее тоже сейчас не вижу, но там растет мантикора... тьфу, мандрагора.

Он недослушал, ринулся в ту сторону. Мы проехали через ворота, Франк оглянулся и недовольно пробурчал:

– Не нравится мне наш священник.

– Чего?

– Мог бы благословить на дорогу...

– А как у него служанка? – спросил я.

– Хороша, – ответил он в удивлении. – А что?

– Королева Маргарита, – сказал я, – правительница Наварры, как-то сказала, что легче расторгнуть сотню браков, чем разлучить одного священника с его служанкой.

Он ухмыльнулся.

– Это точно!

– Мне он тоже не понравился, – сказал я. – Зануда, а не воин.

Он удивился:

– Священник должен быть воином?

– Царство Божье, – сказал я патетически, – нужно защищать, как любое другое царство.

Он покрутил головой, для него это сложновато, да я и сам не знаю, зачем сказал, вообще идея свернуть с прямого пути в Шателлен для пока не так и нужного разговора с королем Бурнандии кажется все более неуместной.

А завтра, когда дурь пройдет и жалость к юному барону Джильберту еще повыветрится, уже могу и совсем передумать делать этот пока что лишний крюк. Сейчас нужнее знать, какую позицию занимает Найтингейл, чтобы увереннее разговаривать с Барбароссой, а не поддаться мелким человеческим слабостям, оправдывая их высокими словами.

Кони пошли напрямик, оставив дорогу далеко в стороне. Бобик понесся вперед, опять же каким-то образом сообразив, что нужно туда и никуда иначе, только по дороге все же ухитрился изловить здоровенного толстого барсука и принес его, отчаянно брыкающегося.

Я указал взглядом на Франка, Бобик сунул ему прямо на седло, Франк едва успел подхватить, как Бобик умчался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.